Акаёмов.

Куявы

1895

Е 52/980

801-88
1909-9

Н. Ѳ. Акаёмовъ.

КУЯВЫ

историко-этнографическій очеркъ.

Цѣна 40 коп.

ВАРШАВА.
ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1895.

2007055031

Е 52/980

Н. Ф. Акаёмовъ

КУЯВЫ

историко-этнографическій очеркъ

ВАРШАВА.
Губернская Типографія.
—
1895.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 10 марта 1895 г.

I.

Общій очеркъ исторіи куявской земли до половины XIV вѣка. Куявское княжество. Болеславъ Кудрявый, Конрадъ и нѣмецкіе крестоносцы. Казимиръ „грабитель". Король Владиславъ Локотокъ. Войны съ нѣмцами. Сраженіе при Пловцахъ. Владиславъ Ягелло. Танненбергъ. Казимиръ и нѣмцы. Каноникъ Чехель. Пораженіе крестоносцевъ. Торунскій трактатъ 1466 года.

Куявами въ старые годы называлась часть лѣваго побережья Вислы, ограниченнаго рѣкою Нотетью и озеромъ Гопломъ, нынѣшніе уѣзды нешавскій и влоцлавскій, варшавской губерніи, и иновроцлавскій округъ Пруссіи. Этотъ небольшой уголокъ получившій названіе отъ плодородной почвы своей [1]), населенъ племенемъ, любопытнымъ какъ по своему прошлому, такъ и по этнографическимъ особенностямъ.

---

[1]) Kujawa — родъ плодоносной земли. Названіе Kujawa встрѣчается неоднократно; въ „Słowniku geograficznym" указаны слѣдующія Kujawy: сел. въ бродницкомъ и маргробовскомъ округахъ, рѣчка въ коссовскомъ округѣ, Kujawka рѣчка въ Нешавскомъ уѣздѣ, Kujawki с. Сохачевскаго уѣзда, въ гм. Млодешинъ и Рыбно, кол. Кутновскаго уѣзда, фольв. гнѣзненскаго округа, им. вагровецкаго округа, Kujawy въ восьми мѣстностяхъ и проч. У славянъ за Одеромъ былъ городъ и край Куява и селеніе Куявицы. Въ Моравіи есть село Куява. Нѣкоторые иноземцы называли Кіевъ Куявой (Шафарикъ, Древн. II). Какъ курьезъ, можно привести изъ „Słown. geogr." сообщеніе о томъ, что въ Ведахъ Куява — имя духа, приносящаго неурожай. Въ мѣстностяхъ къ югу и юго-востоку отъ Куявъ, имя Куявицы носитъ сѣверный холодный вѣтеръ (Kolberg, Kujawy, I, 93).

Названіе Куявъ появляется въ документахъ впервые въ XII вѣкѣ, но и до этого времени куявская земля была ареной важныхъ историческихъ событій. Около озера Гопла народилось, по преданіямъ, польское государство. Здѣсь жилъ князь Попель, угнетавшій кметовъ. Здѣсь въ Крушвицкомъ замкѣ отравилъ онъ приглашенныхъ въ гости вождей и былъ съѣденъ мышами, размножившимися изъ труповъ. Въ городѣ Крушвицѣ жилъ Пястъ, а жена его Рѣшиха происходила изъ сел. Ноти. Съ окрестностями же Гопла связана исторія принятія Мечиславомъ христіанской вѣры (966 г.)

Отдѣльная исторія Куявъ [2]) начинается съ 1139 года, когда Болеславъ Кривоустый отдалъ куявскую землю, вмѣстѣ съ Мазовіей, добжинскою и хелминскою землями, сыну своему Болеславу Кудрявому. Послѣ Болеслава княжество досталось Конраду, брату Лешка V Бѣлаго, при раздѣлѣ земель отцомъ его Казимиромъ Справедливымъ.

Правленіе Конрада ознаменовано появленіемъ на польскихъ границахъ нѣмецкихъ рыцарей-крестоносцевъ, причинившихъ впослѣдствіи не мало зла расшатанной удѣльными усобицами Польшѣ. Послѣ неудачи третьяго крестоваго похода, венгерскій король Андрей I пригласилъ къ себѣ оставшихся безъ пріюта нѣмецкихъ братьевъ госпиталя Пресвятой Дѣвы Маріи. Эти рыцари-монахи, поселенные на границахъ Семиградья для распространенія христіанской вѣры, вскорѣ были

---

[2]) При составленіи настоящаго очерка мы пользовались, кромѣ соотвѣтственныхъ томовъ „Słownika Geograficznego Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich“, слѣдующими сочиненіями: Oskar Kolberg „Kujawy“, M. Borucki „Ziemia Kujawska“, Baliński i Lipiński „Starożytna Polska“ и др.

изгнаны королемъ, увидѣвшимъ истинныя намѣренія тевтоновъ, которые не пожелали признать себя его вассалами.

Вѣсть о крестоносцахъ дошла и до Конрада, не бывшаго въ силахъ одолѣть пруссовъ. По совѣту епископа прусскаго Христина Конрадъ вошелъ въ переговоры съ магистромъ ордена Германомъ де-Сальца. Сначала Конрадъ вызвалъ такъ называемыхъ добжинскихъ братьевъ—Меченосцевъ, давъ имъ въ ленъ Добжинъ и часть добжинской земли. Меченосцы вскорѣ ушли обращать въ христіанство подляшскихъ мазуровъ, а на ихъ мѣсто приглашенъ былъ орденъ „нѣмецкихъ братьевъ". По договору, заключенному 23 іюня 1228 г. въ Брестѣ-Куявскомъ, крестоносцы получили въ ленъ княжескія имѣнія Орловъ, Мужиновъ и Нешаву съ четырьмя деревнями. Впослѣдствіи по Крушвицкому договору 1230 г. Конрадъ отдалъ рыцарямъ и хелминскую землю съ условіемъ, чтобы часть завоеванныхъ прусскихъ земель отдавалась ему и чтобы орденъ защищалъ неприкосновенность польскихъ границъ.

Въ короткое время крестоносный орденъ завоевалъ всѣ земли пруссовъ и обратили побѣжденныхъ въ христіанство. Покоривъ прусскую землю, крестоносцы обратили свои взоры на пріютившую ихъ Польшу.

Послѣ смерти Конрада куявская земля стала удѣломъ сына его Казимира (1247), а затѣмъ была раздѣлена на двѣ части Земомысломъ и Владиславомъ Локоткомъ. Первый изъ нихъ княжилъ въ Иноврославѣ, а второй въ Брестѣ.

Въ тѣ бурныя времена, когда кромѣ нападеній крестоносцевъ, литовцевъ и татаръ Польша страдала отъ междоусобныхъ войнъ удѣльныхъ князей, куявскія княжества не избѣгли общей участи. Отецъ Локотка

Казимиръ, кромѣ Куявъ владѣвшій Ленчицей и Серадемъ, отнятыми у брата Земовита Мазовецкаго, велъ постоянныя войны то съ великопольскими князьями, то съ Земовитомъ, то, наконецъ, со своими сыновьями Лешкомъ Чернымъ и Земомысломъ, которые возстали противъ отца, боясь быть отравленными мачихой, происходившей изъ княжескаго рода Поморья (Померанiи). Казимиръ, вынужденный уступить часть захваченныхъ на Вартѣ земель князьямъ великопольскимъ, взамѣнъ того отнялъ у епископа куявскаго Волимира замокъ и округъ Ратёнжскій. Епископъ проклялъ Казимира и куявскую землю, отправился въ Краковъ и возстановилъ противъ воинственнаго куявскаго князя, прозваннаго „первымъ грабителемъ“ своего времени, Болеслава Стыдливаго и другихъ князей. Противъ „грабителя“ выступило большое ополченіе, въ которомъ участвовали и русскіе князья. Ополченіе опустошило владѣнія Казимира и вынудило его просить мира, причемъ куявскій князь торжественно обѣщалъ вознаградить всѣхъ, потерпѣвшихъ отъ его воинственныхъ предпріятій. Казимиръ умеръ въ 1268 году.

Младшій изъ сыновей и наслѣдниковъ его въ куявскихъ удѣлахъ Владиславъ Локотокъ явился избавителемъ края отъ угрожавшаго ему упадка. Въ непрерывныхъ битвахъ съ нѣмцами, чехами и онѣмеченными силезскими Пястами онъ защищалъ свои владѣнія отъ опаснаго врага—онѣмеченія, жертвой котораго сталъ родной братъ Локотка Земомыслъ Иновроцлавскій. Послѣдній, воспитанный среди тевтоновъ, воспиталъ такимъ же образомъ и своихъ сыновей. Двое изъ нихъ Пшемыславъ Бромбергскій (Быдгощскій) и Лешекъ Иновроцлавскій не оставили послѣ себя потомства, а Казимиръ Гнѣвковскій оставилъ сына Владислава Бѣлаго, князя Опольскаго,

извѣстнаго своими приключеніями при королѣ Людвикѣ Венгерскомъ. Владиславъ умеръ бездѣтнымъ заграницей, и на немъ угасла линія куявскихъ Пястовъ. Само княжество, за исключеніемъ удѣла Владислава Бѣлаго, было присоединено къ королевскимъ владѣніямъ еще раньше, при восшествіи Локотка на краковскій тронъ.

Куявы при Локоткѣ неоднократно были опустошаемы нѣмецкими рыцарями. Покончивъ съ внутренней смутой, Владиславъ Локотокъ объявилъ крестоносцамъ войну изъ-за захваченнаго ими въ смутную пору Поморья. Война эта прерывалась, правда, съѣздами Локотка съ великимъ магистромъ въ Брестѣ-Куявскомъ и Иновроцлавѣ, но нѣмецкій орденъ не хотѣлъ уступить, требуя громаднаго выкупа, и захватилъ даже Куявы съ добжинской землей. Локотокъ жаловался папѣ, къ которому отправленъ былъ посломъ куявскій епископъ Гервардъ.

Несмотря на папскій интердиктъ, на разрѣшеніе Іоанна XXII прибѣгнуть въ случаѣ нужды даже къ мечу, крестоносные грабители не уступали. Къ войнѣ съ орденомъ присоединился мятежъ, поднятый Винцентіемъ изъ Шамотулъ, воеводой познанскимъ и генеральнымъ старостой великопольскимъ. Воевода этотъ счелъ себя оскорбленнымъ, когда вмѣсто него выбрали воеводой на Хентинскомъ сеймѣ 1331 года сына Локотка Казимира, и вступилъ въ союзъ съ нѣмцами. Сжегши Пыздрскій замокъ, союзники прошли черезъ Куявскую землю, разграбили нѣсколько церквей и остановились у оз. Гопла.

Король собралъ небольшое войско и двинулся вмѣстѣ съ сыномъ Казимиромъ изъ-подъ Серадя въ Куявы противъ враговъ. Польское войско остановилось въ сел. Пловцахъ въ 14 верст. отъ Радѣева, а крестоносцы съ маршаломъ Дитрихомъ фонъ-Альтенбургъ стали лагеремъ подъ самымъ Радѣевымъ.

У Владислава Локотка было всего нѣсколько тысячъ войска, у крестоносцевъ же нѣсколько десятковъ тысячъ. Не рѣшаясь вступить въ бой съ непріятелемъ, во много разъ превосходившимъ малочисленное польское войско, король принялъ совѣтъ своихъ приближенныхъ и послалъ довѣренное лицо къ Винцентію Шамотульскому, обѣщая простить всѣ его вины, если онъ поможетъ королевскому войску побѣдить враговъ. Въ темную дождливую ночь на 27 сентября 1331 года королевскій посолъ пробрался въ лагерь мятежнаго подданнаго и получилъ отъ него обѣщаніе напасть съ 15 тыс. войскомъ на нѣмцевъ.

Чуть стало свѣтать, какъ Локотокъ напалъ на нѣмецкое войско съ фронта, а одновременно Шамотульскій бросился на своихъ союзниковъ съ тыла. Кровопролитная битва окончилась полнымъ пораженіемъ крестоносцевъ.

Множество нѣмецкой тяжелой кавалеріи и пѣхоты погибло въ болотахъ. До недавняго времени въ тѣхъ мѣстностяхъ находили обломки желѣзнаго вооруженія и большихъ копій, употреблявшихся нѣмецкими воинами, а на границѣ Пловцевъ и Лятькова и теперь еще видны слѣды могилъ, въ которыхъ погребенъ цвѣтъ орденскаго рыцарства. Число убитыхъ простиралось, по словамъ хроникъ, до 20,000 человѣкъ.

Побѣда подъ Пловцами не принесла, впрочемъ, большихъ выгодъ Польшѣ: орденъ не возвратилъ захваченныхъ земель. Когда Локотокъ вновь пошелъ противъ нѣмцевъ, крестоносцы вступили въ переговоры, но соглашенія достигнуто не было.

Въ 1332 году нѣмецкіе рыцари завладѣли Брестомъ и, укрѣпивъ тамошній замокъ валами и окопами, держались въ этомъ городѣ до 1343 года, когда по Калишскому договору Куявія возвращена была королю.

Хотя папа и призналъ въ 1339 году Торунь (Торнъ), хелминскую землю и другія захваченныя крестоносцами мѣстности собственностью Польши, но крестоносцы продолжали владѣть ими, не обращая вниманія на увѣщанія духовнаго своего главы. Нѣмецкихъ рыцарей можно было только силой заставить отказаться отъ неправедно нажитого добра, а Польша того времени была еще такъ слаба, что лишь послѣ соединенія съ Литвой могла отважиться на борьбу съ нѣмцами.

Владиславъ Ягелло при вступленіи на польскій тронъ торжественно обѣщалъ вернуть Польшѣ отнятыя у нея врагами земли. Исполняя свой обѣтъ, Ягелло вскорѣ выступилъ противъ крестоносцевъ, отнялъ у нихъ Рынинъ и Бобровники, а затѣмъ пустилъ въ ходъ вмѣсто меча золото, купивъ въ Ратѣнжѣ за 50,000 дукатовъ нѣкоторыя изъ захваченныхъ нѣмцами земель. Получивъ выкупъ, нѣмцы вскорѣ напали опять на польскія владѣнія и опустошили большую часть Добжинской земли. Тогда Ягелло вмѣстѣ съ 40 литовскими „хоругвями“ Витовта жестоко отомстилъ ордену подъ Грюнвальденомъ.

Битва при Танненбергѣ (въ 1410 году), въ которой погибъ самъ великій магистръ Ульрихъ фонъ Юнгингенъ, окончилась полнымъ пораженіемъ крестоносцевъ, но не принесла ожидаемыхъ Ягеллой плодовъ. Польскій государь хотѣлъ воспользоваться пораженіемъ нѣмцевъ, чтобы изгнать ихъ совсѣмъ изъ прусской земли, но [redacted]ихта, утомленная походомъ, отказалась идти дальше.

Въ 1422 году опять вспыхнула война съ крестоносцами, послѣ которой по договору у озера Мельна Польша получила на вѣчныя времена сондовскую землю до истоковъ Бребузы, нешавскій округъ съ Нешавой, замкомъ Орловымъ, Мужиновымъ, Дембовымъ и Новой Весью и вообще все, что подарилъ крестоносцамъ Кон-

радъ Мазовецкій на лѣвомъ берегу Вислы, съ половиной Вислы, Торунскимъ перевозомъ, островами и всею землею между устьемъ Дрвенцы и Быдгощемъ.

Несмотря на пораженіе орденъ чувствовалъ себя еще довольно сильнымъ, чтобы нападать на Польшу. Поддерживаемые нѣмецкою аристократіею, терпимые папами, рыцари продолжали періодически вторгаться въ Куявію и добжинскую землю, захватывая хлѣбъ, сплавляемый по Вислѣ въ Гданскъ (Данцигъ).

Грабя сосѣднее государство, нѣмецкіе рыцари не очень милостиво обращались и съ покоренными ими пруссами. Грабежи и насилія заставили послѣднихъ вступить въ сношенія съ польскимъ королемъ. Въ 1454 году къ королю Казимиру въ Краковъ отправились отъ пруссовъ послы, предлагая содѣйствіе угнетенныхъ орденомъ туземцевъ въ случаѣ, если бы король рѣшилъ мечомъ наказать грабителей. У Казимира мало было и войска, и денегъ, но онъ рѣшилъ все-таки воспользоваться случаемъ. Собравъ въ Брестѣ-Куявскомъ войско, король пошелъ на нѣмцевъ, остановившихся близъ границы куявской земли при городѣ Хойницахъ, и потерпѣлъ полное пораженіе. Небольшое польское войско, раздираемое несогласіями и отсутствіемъ дисциплины, отступило къ Бресту.

Весьма вѣроятно, что шляхта воспользовалась бы этимъ пораженіемъ для того, чтобы разойтись поскорѣе по домамъ, если бы не гнѣзненскій каноникъ, Николай Чехель, профессоръ краковской академіи. Узнавъ о пораженіи поляковъ, онъ, какъ разсказываетъ Длугошъ, пришелъ во власяницѣ и босой въ Брестъ и въ горячихъ рѣчахъ, приписывая пораженіе гнѣву Божію за преступленія и грѣховную жизнь шляхты, призывалъ короля и шляхту покаяться и исправить ошибку. Энергическія рѣчи каноника подѣйствовали. Вскорѣ созванъ былъ сеймъ,

постановившій собрать войско и деньги для продолженія войны.

Снова началась борьба съ нѣмцами, окончившаяся полной побѣдой Польши. Въ 1457 году Казимиръ окончательно поразилъ „сей тиранскій нѣмецкій орденъ“ (какъ сказано въ привилегіи, данной королемъ городу Пешавѣ). Послѣ упорнаго сопротивленія и опустошенія польскихъ и прусскихъ земель отняты были всѣ захваченныя орденомъ земли. По торунскому трактату 1466 года къ польской коронѣ присоединены воеводства поморское, хелминское, мальборгское и княжество варминское или такъ называемая Западная Пруссія (Prusy zachodnie czyli królewskie). Часть восточной Пруссіи съ городомъ Кенигсбергомъ (Королевцемъ) оставлена была ордену на условіяхъ ленной зависимости отъ короля [3]).

Такимъ образомъ съ большимъ трудомъ удалось отчасти исправить ошибку, сдѣланную Конрадомъ Мазовецкимъ, пригласившимъ на бѣду Польши алчный нѣмецкій орденъ. Неоднократное розореніе польскихъ земель, продолжительныя войны и полное оскудѣніе королевской казны были результатами легкомыслія Конрада. Истощеніе польской казны, видно изъ того обстоятельства, что Казимиръ вынужденъ былъ для веденія войны занимать у купцовъ и землевладѣльцевъ деньги подъ залогъ своихъ имѣній, „сольныхъ жупъ“ и пошлинъ. Какъ упомянуто въ пешавской привилегіи, кредиторамъ короля отданы были, кромѣ залоговъ въ другихъ провинціяхъ, села Розкадально, войтовство Пшипустъ, Дымецъ и Королевская Ноть.

---

[3]) Ленная зависимость Пруссіи отъ Польши продолжалась около ста лѣтъ, до царствованія Яна-Казимира, когда послѣдній бранденбургскій курфирстъ Вильгельмъ, владѣтель восточной Пруссіи, образовалъ прусское королевство.

II.

Реформація въ Куявахъ. Лещинскій. Дѣятельность реформаторовъ. Іезуиты. Диспуты. Конецъ реформаціоннаго движенія.

Реформаторскія идеи Лютера проникли въ Польское королевство чрезъ посредство Пруссіи, владѣтель которой Альбрехтъ уже въ 1525 году снялъ рясу и сталъ сторонникомъ Лютеровскаго ученія. По примѣру Альбрехта отреклись отъ католичества епископъ Кенигсбергскій Поленцъ, священники, комтуры и братья нѣмецкаго ордена.

Примѣръ сосѣдей подѣйствовалъ и на шляхту Куявіи и Великой Польши. Учившаяся за границей молодежь принесла съ собой новую вѣру въ видѣ лютеранства, кальвинизма и социніанства, которыя быстро стали распространяться преимущественно среди магнатовъ.

Крестьянство и горожане стояли по большей части въ сторонѣ отъ религіознаго движенія, между тѣмъ какъ имъ именно и приходилось больше всего терпѣть отъ неурядицъ, царившихъ въ то время въ польской религіозной жизни. Шляхта успѣла мало по малу завладѣть священническими мѣстами и ставила священнослужителей изъ своей среды. Злоупотребленія духовенства, его невѣжество и распутная жизнь вызывали нерѣдко нареканія и горькія жалобы благочестивыхъ

людей, но бѣдѣ трудно было пособить, потому что епископами были тѣ же шляхтичи и магнаты, занимавшіеся больше свѣтскими дѣлами и попойками, чѣмъ спасеніемъ душъ своей паствы.

Несмотря на все это крестьяне не измѣнили католицизму, а магнаты стали переходить въ лютеранство и кальвинизмъ. Это странное на первый взглядъ явленіе объясняется весьма легко, если вспомнить, въ какомъ полномъ невѣжествѣ находились въ то время польскіе крестьяне, эксплуатируемые и шляхтой, и духовными пастырями. Магнаты же и шляхта становились послѣдователями Лютера отчасти по убѣжденію, отчасти изъ политическихъ видовъ.

Главой реформаторскаго движенія въ Куявахъ былъ Рафаилъ Лещинскій, сложившій въ 1555 году санъ брестско-куявскаго воеводы для того, чтобы въ „посольской избѣ“ отстаивать интересы реформаціи. Какъ Радѣевскій староста, онъ, живя въ Пловцахъ, пользовался большимъ вліяніемъ на окрестную шляхту. Прогнавъ католическаго священника изъ Пловцевъ, онъ поставилъ тамъ кальвинистскаго пастора, церковныя же земли забралъ въ свою пользу. Кромѣ Лещинскаго отступили отъ католичества Немоевскіе, Любенецкіе (Андрей Любенецкій историкъ), Закшевскіе, Хлебинскіе, Грабскіе, Сѣверскіе, Славошевскіе, Артишевскіе и другіе представители куявской шляхты.

Послѣдователи реформаціи энергично принялись за пропаганду и утвержденіе новыхъ идей. Завели школы, изъ которыхъ главными были социніанская въ Раковѣ и лютеранскія въ Познани и Гданскѣ, составляли богослужебныя книги „(Ustawa albo porządek kościelny 1571 r.“), молитвенники („Sposób a porządek modlenia

się"), канціоналы съ мелодіями и нотами, переводили на польскій языкъ псалтырь и новый завѣтъ.

Куявскіе реформаторы кромѣ пропаганды словомъ (нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Яковъ Немоевскій, владѣлецъ Лисева и Выбранова, были авторами богословскихъ сочиненій), прогоняли изъ своихъ имѣній ксендзовъ, захватывали костелы [4]) и насильно обращали подвластныхъ себѣ крестьянъ въ свою вѣру: лютеранскую, кальвинскую или социніанскую...

Съ появленіемъ въ Польшѣ іезуитовъ обстоятельства перемѣнились. Сначала іезуиты пытались бороться съ реформатами путемъ диспутовъ, но реформаты, какъ пишетъ Боруцкій, [5]) весьма несочувственно относящійся къ реформаціи, „защищались *сильно*". Защитниками реформаціи выступили въ Познани Яковъ Немоевскій съ братомъ Яномъ и Андрей Пражмовскій, бывшій католическій священникъ, перешедшій сначала въ лютеранство, а послѣ ставшій кальвинистскимъ „министромъ" и проповѣдникомъ въ городѣ Радѣевѣ, куда его пригласилъ Рафаилъ Лещинскій. Диспуты повторялись часто, но ни къ чему не приводили, а іезуиты, между тѣмъ, не ограничиваясь академическимъ краснорѣчіемъ, дѣйствовали, пользуясь всѣми средствами для достиженія цѣли. Благоразумнѣйшіе изъ протестантовъ видѣли опасность,

---

[4]) Реформаторами были захвачены слѣдующіе костелы: въ Пловцахъ, Лисевѣ, Кшивосондѣ, Синяжевѣ, Костельной Вси, Броневѣ, Бытони, Конецкѣ, Полаевѣ, Закшевѣ. Владѣлецъ Закшева Закшевскій разобралъ приходскій костелъ и продалъ его владѣльцу Осентинъ Боруцкому, оставшемуся католикомъ. Боруцкій поставилъ этотъ костелъ въ Осентинахъ вмѣсто сгорѣвшаго. Другой костелъ изъ Синяжева въ Рушки былъ перенесенъ владѣльцемъ им. Рушки Тшебуховскимъ.

[5]) Ziemia Kujawska, 24.

проектировали, какъ Оржельскій на Торунскомъ съѣздѣ, соглашеніе съ католиками для установленія сноснаго modus vivendi на началахъ равноправности, но интриги и протесты іезуитовъ помѣшали принятію проекта въ сеймѣ. Іезуитамъ помогли раздоры среди протестантовъ, которые въ критическую минуту въ спорахъ изъ-за догматовъ проглядѣли выгодный для нихъ проектъ.

Постепенно реформаціонное движеніе среди куявской шляхты слабѣло и стихало. Борцы въ родѣ Немоевскихъ или Лещинскихъ умирали, а въ ихъ владѣніяхъ водворялись преданные іезуитамъ наслѣдники. Принявшіе новую вѣру изъ за того, чтобы слѣдовать модѣ, обращались опять въ католичество, а люди, измѣнившіе католицизму изъ политическихъ видовъ, бросили опасную игру, когда увидѣли, что съ протестантствомъ можно дождаться лишь гоненій и ограниченія правъ. Какъ быстро распространилось въ Куявахъ реформаторское движеніе, такъ же быстро и погасло, не поддержанное индиферентной въ дѣлахъ вѣры массой народа. Къ началу царствованія Яна Казимира, изгнавшаго въ 1661 году социніанъ, среди куявской шляхты уже почти не осталось некатоликовъ. Протестанты переселились въ другія провинціи, гдѣ было больше ихъ единовѣрцевъ.

III.

Границы куявской земли, раздѣленіе на воеводства, повѣты и земли. Сеймики. Каштеляны. Староства. Королевщины. Земли духовенства. Куявская земля подъ властью Пруссіи. — Бромбергскій департаментъ — Брестско-куявскій округъ.— Раздѣленіе на уѣзды.

Не останавливаясь на дальнѣйшей исторіи Куявъ, о выдающихся эпизодахъ которой мы будемъ имѣть случай говорить при описаніи куявскихъ городовъ, перейдемъ къ очерку прежняго административнаго устройства куявской земли вообще и въ частности брестско-куявскаго воеводства, вошедшаго впослѣдствіи (въ 1815 году) въ предѣлы Россійской имперіи.

При раздачѣ удѣловъ сыновьямъ Болеслава Кривоустаго куявское княжество, доставшееся, какъ выше было упомянуто, Болеславу Кудрявому, занимало пространство отъ $34^3/_4{}^\circ$ до $37^1/_2{}^\circ$ широты и $52^1/_4{}^\circ$—$53^1/_2{}^\circ$ долготы [6]).

---

[6]) Граница княжества съ сѣверо-востока по Вислѣ шла на западъ и около Торуня поворачивала на сѣверъ. Около Фордона, дойдя до сел. Кошелекъ, направлялась на западъ и, пересѣкая рѣку Брду, доходила по рѣкѣ Семполинкѣ до Семполинскихъ лѣсовъ. Отъ послѣднихъ граница шла на югъ мимо им. Орле и гор. Накло, затѣмъ по рѣкѣ Нотети и озеру Трленгу, мимо мѣстечка Квѣтишева и чрезъ Будиславское озоро доходила до Лисова (Слупецкаго уѣзда) и отсюда поворачивала къ им. Лисеву, Нотети и Любистову. Затѣмъ граница княжества направлялась на востокъ до предѣловъ

При королѣ Владиславѣ Ягеллѣ области Польши раздѣлены были на воеводства, повѣты (уѣзды) и земли, имѣвшія юрисдикцію по своимъ прежнимъ границамъ. Куявская земля была раздѣлена около того времени на воеводства брестское и иноврославское, собиравшіяся въ Радѣевѣ на общій сеймикъ, на которомъ каждое изъ нихъ выбирало по два посла и по депутату въ трибуналъ. Сборъ на люстраціи или смотры былъ назначенъ для обоихъ воеводствъ на лугахъ подъ Иноврославомъ. Гербъ обоихъ воеводствъ былъ общій: половина бѣлаго орла и половина чернаго льва. Происхожденіе этого герба объясняется [7]) слѣдующимъ образомъ. Орелъ былъ гербомъ князей мазовецкихъ, левъ—князей великопольскихъ. Такъ какъ куявское княжество образовалось позднѣе изъ земель, входившихъ раньше въ составъ владѣній мазовецкихъ и великопольскихъ князей, то куявскіе князья и помѣстили въ своемъ гербѣ по половинѣ того и другого герба.

Общій сеймъ, собиравшійся въ столицѣ польскаго государства, былъ законодательной властью, сеймики же или предсеймовыя собранія по значенію своему носили подготовительный характеръ. Сеймики совѣщались о нуждахъ своей провинціи и подавали свои предложенія отъ воеводствъ, земель и повѣтовъ. Съ этою цѣлью составлялись такъ называемыя *lauda* или постановленія для общаго сейма, выбирались послы въ сеймъ и депутаты въ трибуналъ. Lauda, постановляемыя единогласно,

нынѣшняго кутновскаго уѣзда на протяженіи 55 верстъ. Съ восточной стороны куявская земля граничила, начиная отъ Воли Пёровой, съ частями кутновскаго и гостынскаго уѣздовъ и, проходя близъ рѣчки Скрвы, достигала пос. Чоловницы и рѣки Вислы. Borucki „Ziemia Kujawska“, 29—30.

[7]) Kolberg „Kujawy“, I, 18.

являлись программами дѣятельности пословъ на общемъ сеймѣ. Постановленія эти вносились всегда въ „градскія книги".

Судебная власть въ польскихъ провинціяхъ оставалась сначала въ рукахъ каштеляновъ, отъ которыхъ впослѣдствіи она перешла къ такъ называемымъ градскимъ старостамъ (starosta grodowy), существовавшимъ уже при первыхъ корояхъ и князьяхъ изъ династіи Пяста. Впослѣдствіи установленъ былъ титулъ неградскихъ старостъ (niegrodowych), не пользовавшихся никакой властью, но имѣвшихъ второстепенныя бенефиціи. Главнымъ повѣтовымъ должностнымъ лицомъ являлся градской староста, въ рукахъ котораго находилась исполнительная власть. На эту должность поэтому всегда бывало много кандидатовъ, тѣмъ болѣе, что съ ней соединенъ былъ такъ называемый panis benemerentibus, т. е. пользованіе государственными имѣніями.

Должность каштеляна была болѣе почетная, чѣмъ должность старосты, и, какъ сенаторская, открывала путь въ сеймовыя совѣщанія и приближала къ королю. Для большаго блеска и изъ шляхетской гордости каштеляна титуловали обыкновенно государемъ, паномъ. Поэтому-то въ многихъ документахъ встрѣчаются титулы: pan Krakowski, pan Warszawski, pan Brzeski i Kujawski и т. п. Каштелянство не приносило матеріальныхъ выгодъ, но, напротивъ, нерѣдко влекло за собой разореніе потратившихся на представительство магнатовъ. Несмотря на то охотниковъ занять должность каштеляна всегда бывало не мало, особенно когда каштеляны стали поперемѣнно засѣдать въ королевскомъ совѣтѣ (по полгода каждый). Главною обязанностью каштеляновъ согласно конституціямъ 1520 и 1523 годовъ было комплектованіе и доставленіе на назначенныя мѣста воинскихъ

хоругвей общаго ополченія (pospolitego ruszenia) во время войны.

Въ Куявахъ были каштелянства брест-куявское, иновроцлавское, куявско-конарское, ковальское, быдгощское, крушвицкое и слонское; послѣднее каштелянство обыкновенно соединялось со староствомъ слонскимъ, которое было однимъ изъ самыхъ малодоходныхъ.

Къ староствамъ принадлежали не только города, замки, фольварки, села, мельницы и посады, но и всѣ лѣса и боры, съ которыхъ, впрочемъ, не высчитывалось никакой „интраты" (дохода). Старосты могли пользоваться лѣсами съ сохраненіемъ ихъ цѣлости. Правило это нерѣдко не исполнялось: безъ вѣдома короля разныя лица вырубали такіе лѣса и обращали ихъ въ пахатныя поля.

Польскіе короли пользовались установленнымъ сеймами правомъ раздавать староства въ пожизненныя „донаціи" только тѣмъ изъ польской шляхты, которые какимъ либо способомъ оказали заслуги рѣчи посполитой. Съ чистаго дохода со староствъ платилось 25% въ казну подъ названіемъ „кварты".

Нерѣдко случалось, что короли злоупотребляли своими правами и не только раздавали большую часть староствъ вельможамъ, вліятельнымъ при дворѣ, но даже издавали привилегіи на староства вдовамъ старостъ по вымышленному jus communicativum: по этому праву, въ случаѣ смерти старосты, вдова его удерживала староство въ пожизненное пользованіе, а затѣмъ могла отдать его съ согласія короля сыну, зятю или кому-либо другому, иногда старосты сами уступали свои староства другимъ лицамъ или передавали ихъ малолѣтнимъ сыновьямъ. Кромѣ того короли отдавали jure advitalitio нѣкоторыя „королевщины" или отдѣльные фоль-

варки въ эмфитевтическое пожизненное или пятидесятилѣтнее пользованіе.

Пожалованные староствами люди, не имѣвшіе возможности, въ виду занятія коронной должности или отдаленности помѣстій, лично управлять старостинскими имѣніями, отдавали ихъ въ аренду или назначали своихъ намѣстниковъ, вслѣдствіе чего возникало не мало жалобъ на несправедливости. „Градскіе старосты“ обязаны были жить въ староствахъ для исполненія своихъ обязанностей, но часто оставляли вмѣсто себя подстаростъ. Вообще, какъ замѣчаетъ Боруцкій [8]), всѣ староства и королевщины управлялись дурно и были въ забросѣ, какъ оказалось при взятіи этихъ имѣній прусскимъ правительствомъ въ казну.

Въ куявскихъ воеводствахъ были слѣдующія староства: брестско-куявское, радѣевское, ковальское, иновроцлавское, быдгощское (градскія), пшедечское, крушвицкое, дунинковское, дыбовское и слопское (безъ юрисдикціи).

Къ брестско-куявскому старосту принадлежали городъ Брестъ, фольварки Старый Брестъ, Кункова-Воля, Мѣховицы, Голембинъ, Кошаново, Клобя, Фальборекъ, Лекажевицы и Жаковицы съ сосѣдними деревнями и три мельницы. Первоначально къ тому же староству принадлежали еще имѣнія Смиловицы, Наконово и Соколовъ, но впослѣдствіи были отдѣлены и отданы во владѣніе частнымъ лицамъ. Первымъ старостой брестско-куявскимъ былъ Андрей Брохоцкій, отличившійся во время войнъ съ крестоносцами.

Радѣевское староство состояло изъ города Радѣева, фольварковъ: Стараго-Радѣева, Пстынинки, Скотниковъ,

[8]) Ziemia Kujawska, 76.

Скульской Веси, Островки, корчмы и двухъ wybraniectw: въ старомъ Радѣевѣ и при гор. Радѣевѣ.

Въ Ковальскомъ старостве находились: гор. Коваль съ войтовствомъ и посадомъ Важонхевкой, фольваркъ, мельница и имѣнія Лагевники, Рембовъ и Дунинов, изъ котораго въ XVIII вѣкѣ образовано отдѣльное староство.

Пшедечское староство принадлежало къ числу наиболѣе доходныхъ. Оно состояло изъ города Пшедеча съ войтовствомъ, фольварками св. Катаржины, Рыбно, Клокочинъ, Диве, Кубловъ и Каменецъ съ прилегающими къ нимъ селами, пропинаціей, рыбной ловлей въ озерѣ и обширными лѣсами. Староста платилъ кварты 6,610 злотыхъ.

Дунинovское староство состояло изъ четырехъ фольварковъ: Дунново-Старое, Дунново-Новое, Кшевентъ, Теленжно, Вистка и изъ обширныхъ лѣсовъ [9]).

Къ староствамъ сначала принадлежали и фольварки, но съ XVI вѣка короли стали отдавать отдѣльные фольварки въ пожизненное или пятидесятилѣтнее владѣніе разнымъ лицамъ, которыя вносили за право пользованія имѣніемъ извѣстную плату. Такіе фольварки назывались королевщинами (królewszczyzny). Wybraniectwami же и solectwami назывались помѣстья, отдававшіяся на вѣчныя времена заслуженнымъ воинамъ. Нѣкоторыя изъ имѣній послѣдней категоріи имѣли даже свою отдѣльную юрисдикцію.

Въ Куявахъ были слѣдующія королевщины: фольварки Богушицы съ лѣсами, Чалово, Рокитки и Прухново, Сарново, Скашинъ и Свентославицы, имѣнія Бытонь, Бѣгановъ и Стружевъ или Злотовъ, фольварки Чарнотицы,

---

[9]) Нешавское староство входило въ составъ добжинской земли.

Крушинъ, Лекажевицы и Жаковицы, Добѣгнево, Калиновецъ съ сел. Гавронки, Вистка Королевская, Клобя, Ланъ, Пшипустъ, Ноть (wybraniectwo), сел. Монтвы, фольв. Тучка, Сойково, wybraniectwo въ сел. Ракутовѣ, им. Соколово, Добре, Пловцы, Бодзаново, Смиловицы и Конкова Воля.

Имѣнія духовенства, довольно многочисленныя въ Куявахъ, образовались первоначально изъ пожертвованій разныхъ королей и вельможъ „на поминъ души". Впослѣдствіи стали записывать земельныя угодья въ пользу духовенства и церквей и мелкая шляхта, и жители городовъ. Особенно обширными были такъ называемыя „аббатства" (opactwa), возникшія благодаря щедрости королей и магнатовъ.

Въ куявской землѣ церковныя и монастырскія земли принадлежали епископу куявскому, владѣвшему множествомъ фольварковъ, селъ и городами Ратёнжкомъ и Влоцлавскомъ, влоцлавскому и гнѣзненскому капитуламъ, „регуляторнымъ каноникамъ" въ Любранцѣ, доминиканскому монастырю въ Брестѣ, брдовскимъ паулинамъ, крушвицкой коллегіи, радѣевскимъ піарамъ, закшевскимъ кармелитамъ, влоцкимъ норбертанкамъ, кармелитамъ и доминиканамъ, могильненскимъ бенедиктинцамъ, короновскимъ цистерціанкамъ, стшельненскимъ норбертанкамъ.

Кромѣ населенныхъ мѣстъ и пахатныхъ земель епископы куявскіе владѣли лѣсами при Оглочинѣ и Бжозѣ надъ Вислой (5685 магдеб. морг.) и въ им. Орле (2000 морговъ), а влоцлавскій капитулъ владѣлъ 4151 морг. лѣса въ им. Любане.

Остальныя земельныя угодья распредѣлены были между куявскими шляхетскими фамиліями; крестьянамъ же, какъ и вездѣ въ Старой Польшѣ, никакихъ земель не

принадлежало. Напротивъ, сами крестьяне составляли собственность шляхты...

Подати съ земель собирались особыми экзакторами, назначавшимися сеймомъ. Borucki приводитъ свѣдѣнія объ экзакторахъ куявскихъ воеводствъ 1580—1582 гг. Въ бресто-куявскомъ воеводствѣ тогда былъ экзакторомъ Янъ Тшебуховскій изъ Тшебухова, украсившій реестръ податей изрѣченіемъ изъ Св. Писанія: Reddite quae sunt Dei Deo, et quae Caesaris Caesari (воздадите Божіе Богу и Кесарево Кесарю).

Иновроцлавскій экзакторъ Симонъ Жегоцкій изъ Жеготокъ принялъ ко взысканію недоимокъ болѣе рѣшительную мѣру. Онъ устрашалъ недоимщиковъ длиннѣйшей надписью на реестрѣ, изложенной латинскими стихами. Обращаясь ad terrigenos regni Poloniae (къ туземцамъ королевства Польскаго), поэтъ-экзакторъ убѣждаетъ соотечественниковъ исправно платить подати. Вѣдь, пишетъ онъ, и ассирійцы подъ властью Вавилона обложены были большими податями; Семирамида, собираясь на войну съ Индіей, установила подать; Артаксеркъ Лонгиманъ, царь персидскій, тоже наложилъ подать на народъ; Македонія и Греція платили подати... Изъ сего оригинальный стихотворецъ дѣлаетъ выводъ, что и куявскимъ жителямъ не мѣшаетъ платить

tributa,
Quae levia et facili sunt solvenda modo
(небольшія и легко уплачиваемыя подати)...

Даже,—убѣждаетъ поэтъ-экзакторъ,—вѣдь это и не подать на самомъ дѣлѣ,

Libera sed potius munera praesidio,
а скорѣе добровольный даръ правительству...

Административное дѣленіе Куявъ на воеводства и староства существовало до времени перехода куяв-

ской земли подъ прусскую власть, когда куявы вошли въ составъ провинціи Южной Пруссіи (Süd-Preussen). Прусское правительство прежде всего занялось старостинскими имѣніями, королевщинами и бенефиціями или владѣніями духовныхъ лицъ и корпорацій. Въ 1796 году всѣ эти имѣнія забраны были въ казну, не взирая на привилегіи, и отданы въ аренду съ торговъ, лицамъ же, пользовавшимися до того доходами съ взятыхъ въ казну имѣній, назначены были пенсіи. Нѣкоторыя изъ королевщинъ и духовныхъ земель были пожалованы прусскимъ генераламъ [10]).

Затѣмъ прусское правительство принялось за заселеніе края выходцами изъ разныхъ нѣмецкихъ областей, преимущественно изъ прирейнскихъ провинцій: Мекленбурга, Бадена, Вестфаліи и Виртемберга. Каждому колонисту назначалось отъ 15 до 40 морговъ земли, впродолженіе шести лѣтъ онъ не платилъ податей и чиншевъ, получалъ выстроенные казной домъ и надворныя строенія и освобождался вмѣстѣ съ сыновьями отъ военной службы. Кромѣ того на путевыя издержки выдавалось каждому переселенцу по 9 крейцеровъ на милю.

Привлеченные льготами нѣмецкіе колонисты устремились въ Южную Пруссію со всѣхъ концовъ Германіи, и въ 11 лѣтъ прусскаго владычества подъ попеченіемъ

---

[10]) Такъ, напр., генералъ-лейтенанту кн. Гогенлоэ-Ингельфингену пожалованы были епископское имѣніе Вѣнецъ, фольварки Конты и Кучика, Воля Скарбова и Бондковъ, всего болѣе 8000 морговъ. Генералъ-лейтенантъ фонъ Бишофсвердеръ получилъ королевскія имѣнія Смиловицы, Накопово, Волю Накоповскую, Круково, Жадки, войтовство Коваль, Водзановъ, Бытонь, Струже, Бѣганово и пр., болѣе 10,000 морговъ, ген.-лейт. Блихеръ старостинское имѣніе Дуниновъ (25 тыс. морг.) и т. д. См. Ziemia Kujawska, 184—186.

особой колонизаціонной коммисіи (Reichscommission Colonisten Königreich v. Preussen), образовалось множество нѣмецкихъ колоній [11]) (болѣе трехсотъ, не считая нѣмецкихъ поселковъ, основанныхъ во времена существованія рѣчи посполитой старостами и помѣщиками, вызывавшими къ себѣ иноземцевъ для извлеченія большей прибыли изъ лѣсовъ и земель).

Въ 1807 году по тильзитскому договору возникло княжество Варшавское, въ составъ котораго вошла и куявская земля, выдѣленная въ особый бромбергскій департаментъ съ префектомъ и подпрефектами по французскому образцу. Изъ куявской земли были образованы „повѣты“ (уѣзды) бромбергскій, брестско-куявскій, иновроцлавскій, ковальскій и радѣевскій.

Отнявъ у Пруссіи польскія провинціи, Наполеонъ I роздалъ нѣкоторыя казенныя имѣнія въ даръ французскимъ маршаламъ, именно: Ратёнжекъ съ Отлочинскими лѣсами отданъ былъ маршалу Сульту, а Пшедечъ тоже съ лѣсами маршалу Виктору. Послѣ освобожденія края отъ тягостной опеки французскаго императора имѣнія эти были возвращены въ казну по повелѣнію Императора Александра I.

По образованіи Царства Польскаго въ 1815 году, часть Куявіи (211 кв. миль) снова отошла къ Пруссіи, а изъ остальной части образованъ былъ брестско-куявскій округъ (obwód) мазовецкаго воеводства, раздѣлявшійся на уѣзды (powiaty) брестскій, ковальскій и радѣ-

---

[11]) Въ то время возникли нѣмецкія колоніи въ Фридрихсгалѣ, Лилієнталѣ, Розенталѣ, Августополѣ, Миншенѣ, Ясенцѣ, Домбѣ нѣмецкомъ, Модзеровѣ, Чарнотинцахъ, Сомпольнѣ, Збрахлинѣ, Добѣгневѣ, Нассельталерѣ, Предигерландѣ и пр. См. тамъ же стр. 181.

евскій. Округъ этотъ въ 1848 году названъ влоцлавскимъ, а впослѣдствіи переименованъ въ уѣздъ.

Въ 1867 году по новому раздѣленію губерній изъ влоцлавскаго уѣзда образованы влоцлавскій и нешавскій уѣзды, варшавской губерніи.

IV.

Куявы полевые и лѣсные.—Боровяки.—Типъ куявяка.— Одежда. Жилище куявскаго крестьянина. Халупа. Дворъ. Огородъ. Утварь и орудія. Пища.

Куявская земля въ народномъ говорѣ раздѣляется на двѣ части: на Kujawy polne и Kujawy borowe (полевые и лѣсные Куявы).

Полевая, преимущественно черноземная полоса Куявъ тянется въ предѣлахъ Варшавской губерніи отъ низменности Бахожи, бывшей нѣкогда сплавной рѣкой, къ холмамъ, находящимся между Радѣевымъ и сел. Садлогомъ, а отъ прусской границы до Малой Уймы, Рушекъ, Осентинъ, Ярантовицъ и Витова. Лѣсные Куявы, имѣющіе менѣе плодородную почву, занимаютъ часть Куявъ за Брестомъ къ Ковалю, Ходечу и Сомпольну, а также за Бахожей къ Влоцлавску. Вмѣсто чернозема здѣсь появляется сѣрая земля (szaraczka), а по прибрежьямъ Вислы— песокъ. Въ лѣсахъ (называемыхъ народомъ bory) преобладаетъ сосна и береза. Росъ нѣкогда въ нихъ и дубъ, но теперь по большей части онъ уже вырубленъ.

Различіе въ характерѣ мѣстности наложило свою печать и на народъ, населяющій полевые и лѣсные Куявы. Обитатели послѣднихъ именуютъ себя и слывутъ у сосѣдей— боровяками. Боровяки, особенно изъ подъ Сомпольна, Брдова, Пшедеча, почти не считаютъ

себя куявяками и, когда говорятъ, что „идутъ на Куявы“ (idą na Kujawy), то это значитъ, что они отправляются въ черноземную равнину подъ Радѣевымъ и Крупницей. Шляхта и мѣщане называютъ боровяками жителей конинскаго уѣзда, калишской губерніи.

Куявяки, одна изъ отраслей великополянъ, представляютъ особый, довольно опредѣленный типъ. По словамъ Кольберга [12]), куявякъ по большей части красивъ, средняго роста, коренастъ, силенъ и гибокъ, съ выразительными чертами лица. Лицо небольшое, скорѣе продолговатое, чѣмъ круглое, бѣлое, волосы на лбу подстрижены, на затылкѣ длинные, по большей части темные (châtain), но встрѣчаются нерѣдко и свѣтлые, особенно у дѣтей. Носъ продолговатый. Усовъ крестьянинъ не носитъ и старательно бреется; только старики и болѣе солидные люди отпускаютъ маленькую полоску волосъ надъ самой губой, сверху же усы подстригаютъ.

Оригинальная старинная одежда куявяка, подробное описаніе которой даетъ Кольбергъ въ цитированномъ нами сочиненіи, теперь начинаетъ постепенно выходить изъ употребленія или искажается подъ вліяніемъ моды, проникающей и въ куявскую глушь. Исчезновенію стариннаго костюма способствуетъ и то обстоятельство, что онъ обходится сравнительно дорого, такъ какъ кромѣ рубашекъ, которыя выдѣлываются (да и то не всегда) изъ домашняго холста, все остальное куявякъ долженъ покупать.

Мужская одежда называется по-куявски łachy, женская—szmaty.

Мущина носитъ длинную (ниже колѣнъ) „сукману“ изъ темно-синяго сукна со стоячимъ воротникомъ и съ

[12]) Kolberg, Kujawy, I, 45.

кантами, обшитыми свѣтлосинимъ шнуркомъ, застегивающуюся на груди на петли. Лѣтомъ носятъ „кафтаны“, застегивающіеся тоже на петли, съ рукавами, доходящими только до локтя, съ короткими полами; кафтаны эти бываютъ изъ темносиняго или темнозеленаго сукна или же изъ чернаго камлота, иногда обшиваются по кантамъ свѣтлосинимъ шнуромъ. Въ будни носятъ также „яку“ (нѣмецкое Jacke) изъ цвѣтного полотна, преимущественно кармазиноваго, синяго или другого цвѣта съ красными или розовыми полосками и цвѣтками.

Панталоны (spodnie) носятъ широкіе по будиямъ изъ выкрашеннаго въ голубой цвѣтъ полотна, въ праздники же камлотовые, застегивающіеся сбоку на одну пуговку и вправленные въ сапоги; зимой носятъ skórzaki, сшитые изъ бараньей шкуры мѣхомъ внутрь. Сапоги, такъ называемые wywrotki, дѣлаютъ изъ черной кожи съ голенищами до икръ съ отворотомъ желтаго цвѣта. Болѣе богатые носятъ сапоги съ большими голенищами до колѣнъ.

Сверхъ сукманы или кафтана куявяки надѣваютъ керею (kiereja)[13]), одежду, позаимствованную, какъ думаютъ, отъ турокъ. Керея—родъ широкой шубы изъ темносиняго или голубого сукна, съ широкими рукавами и темнокраснымъ капишономъ, стянутымъ шнурками. Капишонъ этотъ называется Bóg-zapłać (подъ Избицей Szczęść-Boże) и надѣвается въ дурную погоду поверхъ шапки. На рукавахъ и воротникѣ керея дѣлаются иногда узкія выпушки или бѣлыя суконныя полоски. Теперь керея выходитъ изъ моды. Вмѣсто нея носятъ „буху“ (bucha) или „дутый плащъ“ (dęty płaszcz), отличающійся отъ керея покроемъ воротника и отсутствіемъ капишона и выпушекъ. Носятъ также „плащи“ съ пелеринами изъ

13) Kolberg, Kujawy, I, 64.

темносиняго сукна. Зимой подъ кереей, бухой или плащемъ носятъ полушубокъ (kożuch), а сверху опоясываются двуцвѣтнымъ поясомъ. На шею зимой повязываютъ широкій платокъ (chustka), обыкновенно красный, причемъ концы платка прячутся сзади подъ платье, а поверхъ платка выглядываютъ воротники, иногда довольно высокіе; лѣтомъ рубашка стягивается у ворота лентой.

Лѣтній головной уборъ куявяка составляетъ валеная шляпа (kapalusz), черная съ узкими полями и широкимъ дномъ, на холстяной подкладкѣ, перевязанная черной или бархатной лентой въ нѣсколько рядовъ и украшенная иногда павлиньимъ перомъ. Зимой надѣваютъ баранковую шапку „выкраванку“ сѣрую или черную съ наушниками, связываемыми шнуркомъ или застегиваемыми на пуговку надъ шапкой, и съ суконнымъ темносинимъ или зеленымъ верхомъ. Пастухи и болѣе состоятельные крестьяне носятъ низкія широкополыя шляпы. Въ одной рубашкѣ или босикомъ куявскій крестьянинъ не ходитъ даже въ лѣтніе жары. Даже въ страдную пору онъ отправляется на работы въ поле непремѣнно въ сапогахъ и въ кафтанѣ.

Женская одежда состоитъ изъ слѣдующихъ частей: spódnik—шерстяная или шелковая юбка съ лифомъ безъ рукавовъ, въ будни полотняная, въ праздники суконная темносиняя или камлотовая клѣтчатая или узорчатая; затѣмъ stanik—полотняный или камлотовый лифъ, тоже безъ рукавовъ, для ежедневнаго употребленія. Подъ spódnikiem носятъ полотняную или шерстяную юбку (kiecka). Въ праздники женщины носятъ (особенно зимой) суконные kaftaniki или kabaty темносиняго или темнозеленаго цвѣта съ короткой пелериной, застегивающіеся на петли и украшенные спереди пуговками, а сзади снабженные пышными складками. Кафтаники эти, сшитые въ талію,

обшиваются иногда барашковымъ, лисьимъ или кроличьимъ мѣхомъ; прежде каждый шовъ кафтаника обшивался галуномъ, теперь же вмѣсто галуновъ нашиваются разноцвѣтные шнурки и тесьмы. Постепенно, впрочемъ, красивые кафтаники вытѣсняются „яками“, кофтами яркаго цвѣта безъ пелеринъ. Фартухи носятъ широкіе, полотняные, а въ праздники камлотовые, чаще всего голубые или бѣлые. На шеѣ носятъ кораллы (по нѣскольку шнурковъ) и четки (paciorki) съ ладонками (skaplerzyki). Въ праздники къ кораллямъ привязываютъ разноцвѣтныя ленты. Ни женщины, ни дѣвушки не носятъ длинныхъ волосъ. Голову повязываютъ платкомъ, причемъ по обычаю платокъ спереди долженъ подыматься высоко.

Описанные выше наряды въ разныхъ мѣстностяхъ нѣсколько видоизмѣняются. Подъ Осентинами, напримѣръ, замужнія женщины (по мѣстному выраженію żeniate), а также вдовы, носятъ муслиновый чепецъ, называемый „капкой“. Чепецъ этотъ обвязывается платкомъ, изъ подъ котораго около лица выглядываетъ szlarka или оборка изъ бѣлаго тюля; съ головы на затылокъ свѣшивается родъ тюлеваго мѣшка. Зимой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ женщины носятъ неуклюжіе ватные szlafroki съ широкими рукавами и короткимъ лифомъ, но чаще употребляется мужская сукмана или керея съ капишономъ, надѣваемымъ на голову.

Въ лѣсныхъ Куявахъ носятъ въ общемъ такое же платье, какъ и въ полевыхъ. Въ старину женщины въ лѣсныхъ Куявахъ носили „венгерки“ или шубы, обложенныя до таліи барашкомъ. Дѣвушки надѣвали на свадьбу serdak, свѣтло-голубой корсетъ, обшитый серебянымъ или золотымъ шнуромъ. Подъ Ковалемъ и Любенемъ мужчины носятъ очень длинныя керен и

сукманы и темносиніе кафтаны съ черными выпушками; пояса свѣтло-кофейнаго или зеленоватаго цвѣта съ красными полосами; панталоны (spodnie) голубые или кофейнаго цвѣта, красные шейные платки, рогатыя темносинія шапки съ сѣрымъ барашкомъ или низкія валеныя шляпы съ черной лентой съ бантомъ и двумя голубыми стеклышками. Женщины носятъ будничныя spódniczki съ лифомъ безъ рукавовъ, изъ самодѣльнаго холста, окрашеннаго въ голубой цвѣтъ съ бѣлыми крапинками. На зиму spódniczki дѣлаются изъ толстаго темносиняго сукна, а для праздниковъ бумажныя, шерстяныя и шелковыя. Кафтанъ тоже дѣлается суконный темносиній.

Женщины носили въ прежнее время jupki или широкіе „кабаты“ (см. выше), подбитыя мѣхомъ, а на головѣ платки такъ называемаго селезневаго (kaczorowego) цвѣта (зелено-черно-голубого). Теперь употребляются платки преимущественно яркихъ цвѣтовъ. При праздничномъ нарядѣ считается необходимымъ носить три платка; одинъ надѣваютъ на шею, другой покрываетъ голову, а третій долженъ быть въ рукахъ.

Дѣтямъ на головы надѣваютъ обыкновенно цвѣтныя пестрыя полотняныя шапочки, съ бантомъ или кисточкой, если мальчикъ, и безъ кисточки, если дѣвочка.

Домъ куявскаго крестьянина обыкновенно строится изъ дерева. Крыша халупы, какъ называетъ крестьянинъ свою хату, покрывается соломой, аккуратно уложенной въ видѣ щитовъ. Стропила крыши (łaty) укладываются на козлы (krokwie, носящія названіе kozłów) и скрѣпляются поперечными балками (ambołki, bunty). Ставить стропила на зданіи называется „подносить“ (podnosić). Когда, „подносятъ“ какую-либо постройку, то хозяинъ приглашаетъ сосѣда на помочь и устраиваетъ угощеніе водкой.

Подъ домъ дѣлается фундаментъ изъ камней или кирпича; на него кладется толстая балка, служащая основаніемъ для цѣлаго сруба и называемая przyciesь или cwela. Другія части дома составляютъ słupy (столбы), odrzwia (наличники у дверей), okna, obierka (верхняя балка въ срубѣ, на которой лежатъ другія балки—belki), podciąg (балка, поддерживающая потолокъ), posowa (потолокъ), polepa (глина съ соломой, уложенная на потолкѣ для тепла). Потолокъ поддерживаютъ стѣны дома, delowina, сдѣланныя изъ толстыхъ досокъ.

Съ той стороны халупы, которая выходитъ на улицу, дѣлается обыкновенно навѣсъ (przyłap) на столбахъ, составляющій какъ бы сѣни. Дверь, запирающаяся на замокъ или на obartelek (деревянная задвижка), ведетъ изъ przyłapa въ самую избу. Около дверей устраивается земляная насыпь въ родѣ русской заваленки (przyzba). Иногда часть навѣса задѣлывается досками и образуетъ коморку (komora).

Халупы, состоящія изъ нѣсколькихъ избъ, называются dwojaki (въ двѣ комнаты), trojaki, czworaki, ośmioraki и т. д.

Внутренность жилища куявскаго крестьянина очень напоминаетъ внутреннее убранство великопольской или мазовецкой хаты. Множество разной утвари, кровать съ высоко взбитыми перинами, сундуки и шкафы, раскрашенные въ яркія цвѣта, на шкафахъ рядами уставленныя тарелки и миски, развѣшиваемыя иногда и по стѣнамъ, на „главной стѣнѣ“ (въ красномъ углу)—образа святыхъ...

Печь или komin состоитъ двухъ стѣнъ, за одной изъ которыхъ устраивается zapiecek. Около печи зимой располагается вся семья куявскаго крестьянина. Недостатокъ топлива заставляетъ крестьянина пускать въ дѣло

засохшіе стебли растеній и grabuń, т. е. солому, собранную со сжатаго поля.

Наружныя стѣны халупы бѣлятся часто, почти передъ каждымъ праздникомъ; тѣ халупы, въ которыхъ есть дѣвушки-невѣсты, только окрапливаются известью для того, чтобы обратить вниманіе жениховъ.

На дворѣ куявскаго крестьянина помѣщаются сельско-хозяйственныя орудія: плуги, бороны, и повозки— дроги, воза. На okólniku же (дворѣ) обитаетъ „живой инвентарь“ и сваливается въ особо назначенное мѣсто навозъ, очень тщательно собираемый крестьяниномъ. Хлѣвы и оборы обыкновенно примыкаютъ къ халупѣ. Немного въ сторонѣ устраивается śpicherek — амбаръ, а дальше стодола (рига). За стодолой или на дворѣ находится также parsk, яма, выложенная деревомъ и прикрываемая землей и соломой, для сохраненія картофеля въ зимнее время.

Въ небольшомъ огородѣ (сады въ Куявахъ рѣдки), засѣянномъ овощами, ростутъ также и цвѣты, за которыми обыкновенно ухаживаютъ дѣвушки. Во многихъ огородахъ стоятъ соломенные kuszki или улья.

Усадьбы мелкой шляхты, не очень многочисленной въ Куявахъ, имѣютъ такой же видъ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ края, не представляя никакихъ особенностей въ своемъ устройствѣ, точно также какъ и усадьбы крупныхъ помѣщиковъ.

Корчмы мало чѣмъ отличаются отъ крестьянскихъ домовъ. Онѣ нѣсколько больше и имѣютъ сбоку въѣздъ въ конюшню. Шинки и корчмы куявякъ зоветъ gościniec или kaczma. Шинкарь величается „препинатомъ“ или „гостиннымъ“.

Переходимъ къ перечисленію предметовъ домашней утвари, встрѣчающихся въ куявской халупѣ.

Халупа меблирована столомъ (stół), стульями (stołek) и лавками. Въ одномъ изъ угловъ стоитъ кровать (łóżko или wyrek). У стѣнъ стоятъ сундуки (skrzynia), бочка (beczka) и шкафъ (szafa) съ полками (police) и ящиками.

Изъ посуды куявскими хозяйками употребляются sagan—большой чугунный горшокъ для варки пищи, grara—чугунъ на трехъ ножкахъ, tygiel—родъ кострюли, wazka подойникъ, wanienka, dzbanek, глиняныя donicy, miski и talerze; горшки простые (garnki) или двойные, тройные (dwojaki, trojaki) для ношенія обѣда работающимъ въ полѣ; stępka деревянная ступка для толченія соли; kot— крючокъ о трехъ зубьяхъ для подвѣшиванія мяса; balija, konew и пр.

Для мяса и хлѣба употребляются: korań, большая деревянная посуда для раздѣлки свиныхъ тушъ, korapka, корытце для тѣста, tynka, большая миска для муки.

Для сохраненія молока существуютъ dojnicy, подойники, flitki для процѣживанія молока, kubełki, kierznie —ведра, achtel посуда для масла, cacka цѣдилка, koziołek для сбиванія сметаны или пѣны, krajownica, полотно въ которое завертывается творогъ. Воду держатъ въ węborach, wiadrach, sondkach, beczkach. Коромысло называется szoŕdy.

Среди земледѣльческихъ орудій первое мѣсто занимаетъ plug иностраннаго образца, почти повсемѣстно замѣнившій собою старые польскіе плуги. Выходитъ изъ употребленія и старинное radło для поперечной запашки. Кромѣ плуга куявяки пользуются при обработкѣ полей бороной (brona), а картофель окапывается „грачкой"—мотыгой. Въ огородахъ употребляется łopata и rydel. Хлѣбъ молотятъ цѣпами (cepy), состоящими изъ двухъ палокъ, соединенныхъ ремнемъ. Одна изъ этихъ палокъ

носитъ названіе dzierżaka, а другая bijaka. Зерно вѣется шуфлей (szufla), причемъ легковѣсныя примѣси сметаются гусиными крыльями, насаженными на палку (pióro). Для рубки дерева употребляется siekiera (топоръ).

При изобиліи озеръ и рѣчекъ куявякъ промышляетъ и рыболовствомъ, пользуясь притомъ сѣтями и неводами. Неводъ состоитъ изъ сѣтки (siatka), крыльевъ (skrydła), мотни (matnia) и грузилъ (grędzidło). Надъ мотней прикрѣпляется дощечка—поплавокъ (kaczka).

Чтобы покончить съ описаніемъ домашняго обихода куявяка, приведемъ меню куявской семьи. Ежедневную пищу куявяка составляютъ żur съ картофелемъ или хлѣбомъ, дѣлаемый изъ ржаной муки и воды. Żur ѣдятъ обыкновенно за завтракомъ. Обѣдъ состоитъ изъ двухъ блюдъ. Чаще всего приготовляется къ обѣду кислая капуста съ тертымъ горохомъ, ржаныя клецки съ свинымъ саломъ, молокомъ или масломъ, картофель съ кислымъ молокомъ, мясо (въ праздники, а часто и въ будни), брюква, морковь, свекла и т. п. На podwieczorek ѣдятъ хлѣбъ съ „гзикомъ“ (творогомъ съ лукомъ и молокомъ), яичницу или хлѣбъ съ масломъ или съ сыромъ. На ужинъ приготовляютъ тыкву въ молокѣ или картофель.

Таково обыкновенное меню зажиточнаго куявяка. По праздникамъ оно разнообразится бараниной, свининой, колбасами, супами изъ гусей, поросятъ и кроликовъ.

Изъ напитковъ употребляются водка и пиво, да и то только по праздникамъ. Въ будни же порядочный крестьянинъ отъ корчмы сторонится.

V.

Пережитки язычества. — Подземки, кросальки. — Вѣдьмы и ихъ козни.—Порча.—Лѣченіе болѣзней. Средства противъ лихорадки.— Приметы. — Праздники. — Полевые праздники: pęrkowe и wieńcowe.— Фрицъ или волкъ.—Пастушій король.

Несмотря на тысячелѣтній періодъ времени, отдѣляющій нынѣшняго куявяка отъ языческихъ временъ, въ міровоззрѣніи его, какъ и въ міровоззрѣніи русскаго крестьянина, сохранилось не мало слѣдовъ старославянской „поганской“ вѣры, слѣдовъ, напоминающихъ въ видѣ суевѣрій и предразсудковъ о той далекой эпохѣ, когда язычество, наружно побѣжденное христіанствомъ, притаилось въ глубинѣ души куявяка, имѣя подчасъ надъ нимъ бо́льшую власть, чѣмъ введенное въ мало понятной народу латинской формѣ христіанство. Пѣсни, сказки и суевѣрія, тщательно собранныя Кольбергомъ въ не разъ цитированной нами книгѣ, даютъ возможность познакомиться съ этими любопытными пережитками временъ двоевѣрія, смѣшавшимися съ привесенными изъ нѣмецкихъ земель христіанскими легендами въ трудно раздѣлимое цѣлое.

Какъ въ первые вѣка христіанства принимавшіе вѣру Христову язычники наивно вѣрили въ то, что языческіе боги существуютъ хотя бы въ видѣ демоновъ, такъ и куявскій язычникъ обратилъ древнеязыческія божества въ злыхъ духовъ, пріурочивъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ изъ

добрыхъ боговъ къ христіанскимъ святымъ. Съ годами представленія о языческихъ божествахъ путались и блѣднѣли, но все же и до настоящаго времени въ душѣ куявяка сохранились слѣды языческихъ воззрѣній на людей и природу...

Куявякъ вѣритъ въ вѣдьмъ, чародѣевъ, подзёмокъ, кроснальковъ. Подзёмки—это женщины, живущія подъ землей, подмѣнивающія у куявскихъ женщинъ дѣтей на своихъ. Въ щеляхъ и мышиныхъ норахъ укрываются кроснальки, маленькіе люди, величиной не больше мухи. Въ лунныя ночи эти люди-мухи выбираются изъ норъ, бѣгаютъ и играютъ въ халупѣ. Людямъ кроснальки не вредятъ, но, если ихъ обидѣть или испугать, то они вырастаютъ сразу въ великановъ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пугаютъ плачущихъ дѣтей бабокомъ, какимъ-то страшилищемъ въ родѣ, вѣроятно, нашего „буки“.

Больше всего существуетъ сказаній о вѣдьмахъ, чародѣяхъ и вообще о злокозненномъ вмѣшательствѣ нечистаго духа въ жизнь куявяка. Сказанія о злыхъ духахъ сохранились въ Куявахъ лучше, чѣмъ, напримѣръ, разсказы о добрыхъ кроснальках. И это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что сказанія о злыхъ духахъ, ищущихъ погубить христіанскую душу, не встрѣчали, конечно, со стороны духовенства такого противодѣйствія, какъ „поганскія“ сказки о добрыхъ богахъ.

Вѣдьмы и чародѣи заключаютъ, по мнѣнію куявяка, договоръ съ нечистой силой и пользуются ея содѣйствіемъ, чтобы вредить людямъ и животнымъ. Вѣдьма (czarownica, ciota) можетъ навлечь, на кого ей вздумается, колтунъ или другую болѣзнь, можетъ заколдовать извѣстное мѣсто (порогъ дома, часть избы, поля, межи, или дороги). Если кто-нибудь пройдетъ чрезъ заколдованное мѣсто, то сейчасъ же заболѣваетъ. Ciota можетъ

испортить человѣка съ помощью пищи или напитка, околдованныхъ ею. Для охраненія себя отъ порчи, предъ тѣмъ, какъ пить, крестятъ рюмку. Если бы напитокъ былъ заколдованъ, то рюмка разлетѣлась бы въ дребезги. Могущество вѣдьмы не ограничивается лишь напусканіемъ на людей болѣзней. Изъ листьевъ вѣдьма можетъ сдѣлать мышей или нетопырей, можетъ отобрать молоко у коровы, превратить его въ кровь или воду... Мало того, вѣдьма, пользуясь услугами ненавидящихъ ее чертей, можетъ посадить, въ кого захочетъ, одного изъ подчиненныхъ ей бѣсовъ. Бѣсъ, посаженный въ человѣка вѣдьмой, имѣетъ иногда довольно сносный характеръ. Бываютъ, правда, въ человѣкѣ бѣсы обжорливые и распутные, но попадаются также и трудолюбивые, хозяйственные бѣсы, даже знахари (dochtor). Въ послѣднемъ случаѣ одержимый бѣсомъ знаетъ, что кому можетъ помочь. Вѣдьмы сажаютъ въ человѣка бѣса, какъ и болѣзнь, чрезъ питье и пищу...

Вѣдьмы каждый четвергъ собираются за стодолу и тамъ танцуютъ... Тѣ мѣста, гдѣ танцуютъ вѣдьмы, травой не зарастаютъ. Чтобы попасть на собраніе, вѣдьма намазываетъ себя особой чудодѣйственной мазью, а дома вмѣсто себя оставляетъ метлу, обращенную въ бабу. Разсказываютъ также, что вѣдьмы по четвергамъ летаютъ на лысыя горы. Наканунѣ дня Ивана Купала всѣ вѣдьмы собираются на лысую гору, такъ сказать, на годичное засѣданіе.

Отъ козней вѣдьмъ спасаются различными средствами. Молоко у коровъ охраняютъ отъ вѣдьмъ съ помощью окуриванія травами и цвѣтами. Въ первый день Троицы, пастухи, выгоняя на разсвѣтѣ коровъ на пастбище, стараются перегнать ихъ на чужую землю, чтобы сбить съ толку вѣдьму. Отъ сглазу (сглазить можетъ

не только вѣдьма, но и всякій человѣкъ) лѣчатъ углями и хлѣбомъ. Семь угольковъ и семь кусочковъ хлѣба надо положить для этого въ стаканъ воды.

Вообще куявякъ лѣчится отъ многихъ болѣзней оригинальными домашними средствами. При головной боли бросаютъ въ стаканъ съ водой три кусочка хлѣба и три уголька. Если уголь утонетъ прежде, то очаровалъ больного мущина, если хлѣбъ, то женщина. Узнавъ, кто виноватъ въ болѣзни, воду выливаютъ въ четыре угла, произнося при этомъ какія-то заклинанія. Многія болѣзни лѣчатъ „перемѣриваніемъ," своеобразнымъ массажемъ, наиболѣе дѣйствительнымъ, по мнѣнію куявяка, при ушибахъ и поломахъ костей.

Особенно много средствъ знаетъ куявякъ противъ лихорадки (febra, ograszka). Въ вербѣ, яблонѣ или грушѣ больной провертываетъ дырку, дуетъ въ нее троекратно и затѣмъ забиваетъ колышкомъ или гвоздемъ; лихорадка остается въ деревѣ. Другое средство заключается въ томъ, что больной въ пятницу обрѣзываетъ ногти, а въ воскресенье бросаетъ обрѣзки въ текучую воду и убѣгаетъ, не оглядываясь. Лихорадка, по мнѣнію куявяка, излѣчивается также, если пить водку безъ мѣры, т. е., чтобы корчмарь не мѣрялъ ее „кватеркой". Спасаясь отъ лихорадки, больной долженъ залѣзть въ печь или въ трубу на крышѣ и кричать: ty mnie szukasz, a ja sa (ты меня ищешь, а я здѣсь). Лихорадка испугается и уйдетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ для излѣченія лихорадки прячутъ больного въ темный уголъ сарая или хлѣва, а на дверяхъ пишутъ: nima w domu (нѣтъ дома), поименовывая больного. Лихорадка повѣритъ этой надписи и уйдетъ.

Изъ изложеннаго выше видно, что въ понятіяхъ куявяка лихорадка является существомъ одушевленнымъ,

чѣмъ-то въ родѣ сестеръ-трясавицъ нашихъ старинныхъ сказаній...

Остатки сѣдой старины сохранились въ Куявахъ не только въ видѣ лѣчебныхъ суевѣрій и сказаній о вѣдьмахъ и чертяхъ. Существуетъ, кромѣ того, не мало примѣтъ, которыми куявякъ руководствуется при работахъ въ полѣ и дома.

При посѣвѣ и уборкѣ поля куявякъ руководствуется старинными примѣтами, полученными въ наслѣдство отъ дѣдовъ. До посѣва на своемъ полѣ куявскій крестьянинъ боится продать кому-либо зерна на посѣвъ, такъ какъ, если купившій засѣетъ свое поле раньше, то отниметъ урожай у продавшаго зерно. Выходя сѣять, крестьянинъ кропитъ себѣ руки святой водой и первую горсть зерна бросаетъ на придорожный крестъ со словами: w imię Boskie. При посѣвѣ пшеницы вблизи дома слѣдуетъ вымазать руки освященнымъ саломъ, чтобы воробьи не съѣли посѣянныхъ зеренъ и будущаго урожая. Когда на небѣ вмѣстѣ солнце и мѣсяцъ, то сѣять нельзя, а то пшеница выйдетъ нехорошей, покроется ржавчиной. Разбрасывать навозъ въ субботу нельзя. Крестьянинъ, который это сдѣлалъ, попалъ на луну, и до сихъ поръ еще тамъ видны его ноги. Горохъ слѣдуетъ сѣять, когда вѣтеръ дуетъ съ запада или юга, „съ мягкой стороны“, чтобы горохъ былъ uwarzyty (легко уваривался въ одной водѣ, а не въ трехъ). Горохъ, чтобы не было въ немъ червей, слѣдуетъ сѣять въ понедѣльникъ, пятницу или субботу. Для охраны полей отъ градобитія полезно, по мнѣнію куявяка, производить посѣвъ наканунѣ Иванова дня или опахать на волахъ-близнецахъ границы засѣваемой земли. Жатву нельзя начинать въ понедѣльникъ или пятницу.

Понедѣльникъ и пятница вообще считаются тяжелыми днями, въ которые нельзя отправляться въ путь,

а то удачи не будетъ. Не будетъ также по мнѣнію куявяка, удачи, если ѣдущему перейдетъ дорогу ксендзъ или баба или перебѣжитъ заяцъ; лучше въ такомъ случаѣ вернутся домой. Нехорошо, если отправляющійся въ путь ступитъ лѣвой ногой раньше правой.

Не перечисляя всѣхъ собранныхъ въ книгѣ Кольберга примѣтъ и суевѣрій, существующихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Куявъ, перейдемъ къ праздничнымъ обычаямъ куявскаго крестьянина.

Въ праздникъ Рождества Христова парни, обходя халупы, выбираютъ одного говоруна, который у двери говоритъ привѣтствіе хозяевамъ и получаетъ за поздравленіе кусокъ хлѣба и сыра. Какъ и въ другихъ мѣстностяхъ края, въ Куявахъ существуетъ обычай ходить съ вертепомъ (szopką), при чемъ поются пѣсни, пріуроченныя къ событію Рождества Христова.

Въ такъ называемые „остатки“ (послѣдніе дни предъ великимъ постомъ), особенно въ послѣдній вторникъ (у католиковъ великій постъ начинается со среды), парни наряжаются евреями, цыганами, медвѣдями, лошадьми, козлами, аистами и ходятъ по деревнѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ числѣ ряженыхъ бываетъ и „коза“ съ деревянной щелкающей пастью. Вечеромъ въ корчмѣ устраиваются танцы, причемъ для сбора платы скрипачу (gracz) ставятъ на бочку тарелку. Парни и дѣвушки перекоряются тѣмъ, что не женились или не вышли замужъ въ истекшій годъ. Скрипачъ беретъ дѣвушекъ подъ свое покровительство и продаетъ ихъ парнямъ для танцевъ, взимая за это podkoziołek (2—3 гроша).

Въ первый день великаго поста, называемый środa popielcowa, бабы возятъ въ возкѣ, убранномъ платками, женщинъ, вышедшихъ замужъ въ истекшемъ году. Отъ

путешествія въ возкѣ можно откупиться деньгами или водкой.

Въ половинѣ поста разбиваютъ горшки съ пепломъ или грязью, что называется wybijać żur, т. е. похлебку.

На второй день праздника Пасхи парни обливаютъ водой дѣвушекъ, а на слѣдующій день дѣвушки отплачиваютъ парнямъ тѣмъ же. Обычай этотъ носитъ названіе dyngus.

Въ день Св. Андрея (30 ноября) дѣвушки гадаютъ. Ставъ въ кругъ и взявшись за руки, дѣвушки пускаютъ въ средину гусака съ завязанными глазами. Къ которой дѣвушкѣ гусакъ подойдетъ раньше, та прежде другихъ и замужъ выйдетъ. Раскладываютъ тоже кости, помѣченныя дѣвушками и пускаютъ собаку. Выбѣгаютъ ночью на дворъ и набираютъ щепокъ; тѣ дѣвушки, у которыхъ щепокъ окажется четное число, выйдутъ замужъ въ томъ же году. Гадаютъ также, отливая фигурки изъ воска или олова.

Въ день Св. Лаврентія (10 августа) въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ зажигаютъ новые огни въ халупахъ. Палку трутъ о бревно въ стодолѣ, пока не добудутъ огня. Огонь этотъ несутъ въ халупу и зажигаютъ новыя дрова или солому въ печи, потушивъ предварительно старый огонь.

Кромѣ церковныхъ праздниковъ, къ которымъ куявякъ пріурочилъ многіе изъ обычаевъ, доставшихся ему въ наслѣдство отъ языческихъ предковъ, оригинальными обрядностями отличаются также и нѣкоторые важные въ глазахъ земледѣльца дни, какъ, напримѣръ, окончаніе работъ по уборкѣ хлѣба.

Жнитво куявскій крестьянинъ раздѣляетъ на большое и малое. Большимъ жнитвомъ называется уборка ржи и пшеницы, вообще озимей, малымъ—уборка яровыхъ хлѣбовъ, дозрѣвающихъ позже. По окончаніи уборки

ржи бываетъ такъ называемое pęrkowe, повторяющееся послѣ жатвы на поляхъ, засѣянныхъ пшеницей.

Во время жатвы каждый работникъ или работница становятся на загонѣ въ извѣстномъ порядкѣ, въ которомъ жнутъ до самаго конца. Кто раньше окончитъ жать свою полосу, занимаетъ новую въ слѣдующемъ загонѣ, чтобы поскорѣе исполнить свою долю полевой работы и отдохнуть или помочь кому-либо изъ отставшихъ. Въ послѣдній день жатвы окончившіе работу жнецы окружаютъ ту дѣвушку, которая медленнѣе или лѣнивѣе другихъ работаетъ, и всячески стараются помѣшать ей, пока всѣ не кончатъ жать. Тогда дѣвушку насильно заставляютъ окончить уборку оставшагося клочка жнива и сжать послѣдніе колосья, называемыя pęr или pęrek (пупокъ). Сжать pęrek— стыдъ для дѣвушки, такъ какъ эта обязанность достается обыкновенно самымъ лѣнивымъ, но дѣлать нечего: настойчивыя требованія подругъ и парней заставляютъ лѣнивицу взяться за серпъ [14])... Изъ pęrka и полевыхъ цвѣтовъ дѣлаютъ букетъ, перевязываютъ его лентой и вручаютъ дѣвушкѣ, сжавшей pęrek, которая вмѣстѣ съ подругами и парнями отправляется въ усадьбу помѣщика и подноситъ ему букетъ, за что обыкновенно получаетъ подарокъ и угощеніе водкой.

По окончаніи всѣхъ работъ по уборкѣ хлѣба съ полей празднуется wieńcowe, соотвѣтствующее дожинкамъ или обжинкамъ. Жнецы и жницы большой толпой отправляются въ усадьбу пана въ сопровожденіи любопытныхъ и музыкантовъ. Двѣ дѣвушки несутъ на головахъ вѣнки: одинъ изъ ржаныхъ колосьевъ, другой изъ

[14]) Въ Малороссіи и Бѣлороссіи pęrka соотвѣтствуетъ „коза“, сжинать которую тоже считается стыдомъ для дѣвушки.

пшеничныхъ. Такой вѣнокъ имѣетъ около 4—5 дюймовъ въ діаметрѣ, украшается полевыми и садовыми цвѣтами: васильками, макомъ, а иногда георгинами и астрами. Подходя къ усадьбѣ помѣщика, жнецы запѣваютъ пѣсню, заключающую въ себѣ юмористическое величаніе пана, его жены и домочадцевъ. Подъ Радѣевымъ и Осентинами поютъ:

Otwórz panie szeroko wrota,
Idzie twoja z pola robota..
Plon niesiemy plon
Jegomości w dom...

Przede dworem wisi sznurek,
Nasz jaśnie pan żeby turek...
A na wieczór pada rosa,
Nasz jaśnie pan żeby osa.

Nade dworem wielka chmura,
Nasz okomon żeby rura,
Nasz okomon żeby bania,
Nasza pani żeby łania и т. д. [15])

Въ пѣсняхъ изъ другихъ мѣстностей жнецы, высмѣивая помѣщика, просятъ подарковъ: такъ, въ Любранцѣ поютъ:

Przede dworem widzim pana,
Pańscy żeńcy chcą barana.
Przede dworem drą się łyka,
Pańskie dziwki chcą i byka. [16])

---

[15]) Отвори, панъ, широко ворота, идетъ съ поля твоя работа... Несемъ мы урожай въ панскій домъ. Предъ усадьбой виситъ шнурокъ, нашъ ясный панъ похожъ на турка. Вечеромъ падаетъ роса, нашъ ясный панъ какъ оса. Надъ усадьбой большая туча, нашъ экономъ какъ труба. Нашъ экономъ какъ тыква, а наша пани какъ лань... Kolberg, Lud III, 233.

[16]) Передъ усадьбой мы видимъ пана; твои, панъ, жнецы хотятъ баранины. Передъ усадьбой дерутъ лыка, твои, панъ, дѣвушки хотятъ и говядины. Тамъ же, 234.

Въ Пётрковѣ и Глушинѣ ограничиваются лишь пѣсней о томъ, что

Przede dworem stoją żatna,
Nasza pani kieby sarna,
A jegomość kieby zając
Chodzi za nią podrygając.. [17])

Помѣщикъ долженъ встрѣтить жнецовъ и, принявъ отъ дѣвушекъ вѣнки и яблоки или орѣхи, одарить пришедшихъ деньгами и устроить для нихъ угощеніе и танцы на дворѣ или въ сараѣ...

Другой оригинальный обычай соблюдается при началѣ сѣнокоса. Каждый молодой косарь въ первый годъ работы подвергается такъ называемому „фрицованью". Рано утромъ для fryca или wilka (новаго косца) сплетаютъ изъ сѣна вѣнокъ на соломенной основѣ съ шишкой на верху, прикрѣпленной къ кругу соломенными жгутами. Для „маршалка", распоряжающагося „фрицованіемъ", свиваютъ длинный соломенный жгутъ, называемый „правомъ" (prawo).

Во время работы „маршалекъ" старается такъ вести косарей, чтобы новичокъ сбился и оставилъ часть травы нескошенной. За это маршалекъ приговариваетъ фрица къ наказанію жгутомъ, причемъ, впрочемъ, предоставляетъ ему право откупиться отъ наказанія. Фрицъ усиленно торгуется и обѣщаетъ угостить косарей. Вечеромъ, по окончаніи работы, фрица украшаютъ вѣнкомъ изъ сѣна и ведутъ сначала къ помѣщику, а затѣмъ въ корчму. Рядомъ съ фрицемъ, взявъ его подъ руки, идетъ двое „старостъ" или „судей", а впереди въ вывернутыхъ на из-

[17]) Предъ усадьбой стоятъ жернова, наша пани похожа на серну, а панъ, какъ заяцъ, ходитъ за ней, подпрыгивая. Тамъ же, 253.

панку сукманахъ ѣдутъ верхомъ на палкахъ „казаки“, держа въ рукахъ палки съ платками, навѣшенными въ видѣ флаговъ.. Казаки разгоняютъ встрѣчныхъ женщинъ и дѣтей, чтобы ихъ фрицъ или волкъ не съѣлъ. За фрицемъ и судьями выступаетъ маршалекъ съ „правомъ“ черезъ плечо, а за нимъ идутъ остальные косари, немилосердно ударяя косой о косу. Съ шумомъ и гамомъ приходятъ косари къ пану и, получивъ угощеніе, отправляются „на судъ“ въ корчму. На борону, покрытую платкомъ, укладываютъ фрица, а „судья“ присуждаетъ его къ опредѣленному числу ударовъ жгутомъ съ замѣной наказанія извѣстнымъ количествомъ водки. Осужденный торгуется и, наконецъ, покупаетъ угощеніе для товарищей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ фрицъ обязанъ сдать испытаніе въ знаніи своего дѣла, за ошибки онъ присуждается къ наказанію „правомъ“. Затѣмъ маршалекъ, судьи и писарь усаживаются на лавки и поучаютъ фрица объ его обязанностяхъ. Иногда, чтобы фрицу „было слышнѣе“, ораторъ залѣзаетъ на крышу.

Почти повсемѣстно въ Куявахъ существовалъ не такъ давно обычай избранія въ первый день Троицы пастушьяго короля (król pasterzy). Кто первый въ этотъ день выгонитъ скотину въ поле, становится пастушьимъ королемъ, явившійся же послѣднимъ обязанъ стеречь и пасти скотъ въ теченіе трехъ дней, пока продолжаются забавы молодежи. Въ случаѣ, если на пастбище явится одновременно нѣсколько претендентовъ, устраивается состязаніе въ бѣгѣ, и королемъ становится тотъ, который другихъ обгонитъ [18]).

---

[18]) Обычай, приводящій на память сказаніе объ избраніи Пяста, который тоже, по словамъ легенды, изъ-за первенства состязался съ Лешкомъ въ бѣгѣ.

Король выбираетъ себѣ королеву. Если же первой на пастбище явилась дѣвушка, то она становится королевой и выбираетъ короля. Послѣ выборовъ королю и королевѣ подносятся въ подарокъ цвѣты, пуговицы, перья, ленты, перстни, а затѣмъ король назначаетъ „подковника“ (гофмаршала), повара, виночерпія и опредѣляетъ, кто что долженъ принесть. Подданные приносятъ провизію, дрова и воду. Поваръ принимается за стряпню, а король и королева со своимъ дворомъ забавляются разными играми или пѣснями. За обѣдомъ, сервируемымъ на зеленой травѣ, почетныя мѣста отводятся королевской четѣ. Вечеромъ устраивается тріумфальное шествіе въ деревню, заканчиваемое танцами.

VI.

Свадебные обряды.— Сватанье (rainy).—Сговоръ (zdawiny, zręk owiny, pierścionki). — Дѣвишникъ (rozpleciny). — Свадьба. — Родины (popieliny). — Крестины. — Похороны.

Крестьянскія свадьбы въ Куявахъ чаще всего бываютъ осенью. Сватанье и сговоръ происходятъ слѣдующимъ образомъ [19]).

Въ Осентинахъ или подъ Брестомъ крестьянинъ, желающій просватать невѣсту, отправляется вмѣстѣ со свахой въ четвергъ почью къ родителямъ дѣвушки, обыкновенно уже предупрежденнымъ заранѣе. Сваха (swatka) стучитъ въ дверь и, когда отворятъ, входитъ одна, спрашивая: Не заплутался ли здѣсь гусакъ?—Нѣтъ, отвѣчаютъ хозяева. Тогда за дверьми раздается покрякиваніе, сваха отворяетъ дверь, говоря: а такъ вотъ гдѣ гусачекъ, войди въ комнату. Женихъ входитъ, кланяется въ ноги родителямъ невѣсты и проситъ ихъ отдать за него дочь. Невѣста тѣмъ временемъ прячется за печью. Родители выводятъ ее оттуда и, когда она скажетъ, что согласна выйти замужъ, то благословляютъ жениха и невѣсту...

Въ другихъ мѣстностяхъ, rajiny совершаются иначе. Подъ Радѣевомъ, напримѣръ, женихъ приглашаетъ свата, а не сваху. Въ четвергъ вечеромъ, захвативъ съ собой

---

[19]) Kolberg, Lud, III, 250.

водки, они отправляются въ домъ невѣсты. Если родители невѣсты соглашаются выпить, то, значитъ, они принимаютъ предложеніе. Затѣмъ угощаютъ водкой и невѣсту, со сконфуженнымъ видомъ закрывающую себѣ лицо фартухомъ. Въ Любранцѣ сватъ разбиваетъ пустой горшокъ о двери невѣстиной халупы, а затѣмъ мычитъ по-телячьи. Когда отопрутъ дверь, сватъ входитъ въ избу, кланяется родителямъ невѣсты, угощаетъ ихъ водкой и держитъ приличную случаю рѣчь, а женихъ ожидаетъ на улицѣ окончанія переговоровъ. Невѣста должна повернуться къ свату спиной и ковырять пальцемъ печку, если согласна выйти замужъ. Въ случаѣ же несогласія дѣвушка прячется за печь и отказывается отъ предлагаемой ей водки.

Обыкновенно сватанье (rainy, zrainy, zmówiny) происходитъ въ четвергъ, а въ слѣдующую субботу совершается сговоръ (zdawiny, zręk owiny, pierścionki).

Сговоръ справляется обыкновенно съ неменьшею торжественностью, чѣмъ свадьба. Музыка и водка— его необходимыя принадлежности. Родители невѣсты, пригласивъ гостей откушать хлѣба-соли, [20]) стараются не ударить лицомъ къ грязь и украшаютъ столъ сдобными хлѣбами, мясными и сладкими блюдами [21]).

Ужинъ начинается послѣ полуночи, когда пѣтухъ въ первый разъ запоетъ. Жениха и невѣсту усаживаютъ другъ противъ друга, на противоположныхъ концахъ стола, а рядомъ съ ними садятся сватъ и мать жениха. Хозяйка наливаетъ стаканъ водки и передаетъ его матери жениха, которая пьетъ сначала „do pana

---

[20]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напр, въ Осентинахъ или Радѣевѣ, гостей приглашаютъ женихъ съ невѣстой

[21]) Если родители невѣсты не отличаются достаткомъ, то гостьи приносятъ съ собой на сговоръ сыръ, масло, сметану, медъ, хлѣбъ и пр.

młodego". Отъ него стаканъ переходитъ къ невѣстѣ, а отъ нея къ свату. Затѣмъ пьютъ уже въ круговую, „отъ сосѣда къ сосѣду".

Послѣ того какъ стаканъ съ водкой обойдетъ пирующихъ два раза, хозяинъ приноситъ двѣ миски и ставитъ ихъ вверхъ дномъ предъ женихомъ и невѣстой. Мать жениха переворачиваетъ одну миску, а сватъ другую. Тогда въ миски кладутся кольца и хозяйка наливаетъ освященной воды, которою сваха или старшій изъ родственниковъ окропляетъ перстни, а затѣмъ и всѣхъ присутствующихъ. Женихъ съ невѣстой обмѣниваются кольцами, причемъ старшій изъ родственниковъ произноситъ рѣчь такого, примѣрно, содержанія: „разсудите себѣ во время, а послѣ времени не годится; не на годъ и не два вы женитесь, а на всю жизнь. Если бы вы не уважали другъ друга, то что бы вы сдѣлали? Адъ потѣшили бы, а небо опечалили. Богъ сотворилъ небо, Богъ сотворилъ землю, украсилъ ихъ разными твореніями, такъ и вы, господа молодые, съ вашими кольцами. Поклонитесь Господу Богу во славу, упадите отцу—матери къ ногамъ. Ни отъ кого вы не можете ждать благословенія какъ отъ Бога Всевышняго Отца и отъ Пресвятой Матери нашей тамъ на небѣ, а отъ родителей, отъ отца и матери своихъ, здѣсь на землѣ. Аминь".

Послѣ обмѣна кольцами опять пьютъ водку въ круговую, но съ „сѣраго конца" стола. Когда стаканъ доходитъ до жениха, то послѣдній бросаетъ въ него серебряныя деньги и подаетъ невѣстѣ. Та выпиваетъ водку, деньги прячетъ въ карманъ, покрываетъ стаканъ платочкомъ и подаетъ его жениху. Затѣмъ гости принимаются за кушанья. Послѣ ужина начинаются танцы, продолжающіеся до 10 часовъ утра въ воскресенье, когда

всѣ пирующіе отправляются въ костелъ, чтобы просить ксендза сдѣлать оглашеніе (zapowiedź).

Черезъ двѣ недѣли послѣ сговора справляется дѣвишникъ (rozpleciny). „Друхны", подруги невѣсты, заплетаютъ ей волосы, стараясь какъ можно больше воткнуть въ косу шпилекъ и булавокъ, чтобы старшій дружба, расплетая ее, накололъ себѣ руки. Затѣмъ впускаютъ въ комору, въ которой невѣста сидитъ на хлѣбной квашнѣ (dzieża), старшаго дружбу съ гостями. Дружба расплетаетъ и расчесываетъ косу, а затѣмъ ее обрѣзываютъ. Потомъ слѣдуютъ танцы и пѣсни. Rozpleciny совершаются, впрочемъ, рѣдко, такъ какъ теперь кувскія дѣвушки обыкновенно не носятъ длинныхъ волосъ.

На слѣдующей недѣлѣ по третьемъ оглашеніи старшій и младшій „дружбы" (шафера) обходятъ въ четвергъ деревню, приглашая гостей на свадьбу. Входя въ домъ, старшій дружба говоритъ длинную пригласительную рѣчь, а младшій кланяется въ ноги послѣ каждой фразы.

Свадьба справляется обыкновенно въ воскресенье. Утромъ невѣста и друхны, убравъ себѣ головы цвѣтами и разноцвѣтными лентами, спадающими на плечи, отправляются въ домъ, въ которомъ будетъ свадебный пиръ. Отсюда послѣ приличной случаю рѣчи старшаго родственника, а иногда и послѣ завтрака (poczęstne), свадебный поѣздъ отправляется въ костелъ на длинныхъ дрогахъ, покрытыхъ коврами. Дружбы надѣваютъ ленты черезъ плечо и прикалываютъ на грудь цвѣты, а возницы экипажей украшаютъ лентами даже кнуты. На первыя дроги усаживаются невѣста со свахой и друхнами (которыхъ иногда бываетъ болѣе двадцати), а также музыканты; здѣсь же на козлахъ помѣщается молодой рядомъ съ кучеромъ. На вторыхъ дрогахъ ѣдутъ остальныя друхны и сва-

хи, а на прочихъ—гости. „Дружбы“ верхомъ сопровождаютъ невѣсту. Дорогой музыканты играютъ марши и танцы, а дружбы поютъ пѣсни [22]). На границѣ деревни возница останавливается и роняетъ кнутъ, говоря, что потерялъ его и дальше ѣхать не можетъ, развѣ что поѣзжане откупятся (иногда возница нарочно ѣдетъ очень тихо или дѣлаетъ видъ, что хочетъ опрокинуть дроги). Друхны откупаются нѣсколькими копѣйками, возница находитъ потерянный кнутъ и ѣдетъ дальше. Около придорожныхъ крестовъ также дѣлаются остановки, если у свата есть охота сказать поученіе жениху и невѣстѣ.

Въ костелъ входитъ сначала невѣста съ друхнами, держащими предъ ней развернутый платокъ, затѣмъ женихъ, предъ которымъ друхны тоже держатъ платочекъ. Когда ксендзъ покрываетъ новобрачныхъ руки „стулой“, то молодой, по повѣрью, долженъ положить свою руку сверхъ руки новобрачной, чтобы быть въ домѣ главой [23]).

На возвратномъ пути на границѣ деревни возница ломаетъ кнутъ, и лишь получивъ отъ друхнъ выкупъ, соглашается ѣхать дальше. Таже исторія повторяется и со скрипачомъ, у котораго лопаются струны, и на покупку новыхъ должны сложиться друхны (на свадеб-

---

22) Свадебныхъ пѣсенъ не приводимъ въ виду ихъ многочисленности и разнообразія. См. Kolberg, Lud, III, 250—320.

23) Въ книжкѣ „Pasterze na Bachorzy“ (sielanki Kujawskie), изданной въ Варшавѣ въ 1827 г. и представляющей, по справедливому замѣчанію Кольберга, немалый этнографическій интересъ, въ описаніи куявской свадьбы говорится между прочимъ:

Tu Rozyna (невѣста) wspomniała dawne zabobony,
nie chciała trzymać ręki po pod ręką męża,
by nie była podwładną tak jak inne żony,
długo walczyła, w końcu Stach ją przezwycięża.

номъ пиру скрипачъ неоднократно подъ разнымъ предлогами повторяетъ церемонію выкупа).

Подъѣзжая къ своему участку земли, молодой старается ударить кнутомъ молодую. Друхны защищаютъ ее и откупаются водкой.

Свадебный пиръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинается въ деревенской корчмѣ, изъ которой гости вечеромъ переходятъ въ домъ, гдѣ подается ужинъ, сопровождаемый пѣснями, шутками и прибаутками. Послѣ ужина слѣдуютъ танцы: wolny (polski), kujawiak и другіе.

Въ понедѣльникъ утромъ справляются такъ называемые oczepiny, одѣваніе молодой въ чепецъ, но свадебныя торжества этимъ не оканчиваются. Пиръ продолжается и во вторникъ, а иногда и въ среду.

Изъ другихъ семейныхъ событій съ нѣкоторой торжественностью празднуются рожденіе и крестины ребенка. Родильницу навѣщаютъ сосѣдки и родственницы (приходятъ на popielіny). Хозяинъ подчуетъ ихъ водкой. Увидѣвъ новорожденнаго ребенка въ первый разъ, посѣтительницы плюютъ въ сторону и произносятъ, чтобы ребенка не сглазить: na psa urok (на собаку сглазъ)... Другое средство отъ сглазу, это, прежде чѣмъ смотрѣть на ребенка, поглядѣть на свои ногти. Для снятія „сглаза“ (uroku) практикуется описанное уже выше лѣченіе угольками и хлѣбомъ, причемъ ребенку смачиваютъ лицо водой, въ которую положены были кусочки угля и хлѣба, и затѣмъ вливаютъ немного этой воды ему въ ротъ, остальную же выплескиваютъ „въ два угла и въ третью печь“ (we dwa kącіki i trzeci komin).

Послѣ крестинъ кумъ кладетъ въ колыбель ребенка серебряную монету; если же кумъ—человѣкъ съ достаткомъ, то онъ устраиваетъ на свой счетъ пирушку. По

повѣрью, ребенка нельзя впродолженіе трехъ дней послѣ крестинъ ни умывать, ни обливать водой.

Похороны справляются слѣдующимъ образомъ. Покойника одѣваютъ въ сорочку, завязанную шнуркомъ. На сорочку надѣваютъ żgło, родъ савана изъ бѣлаго полотна съ чернымъ поясомъ и черными тесемками у ворота и рукавовъ. Молодымъ головы не закрываютъ, старикамъ надѣваютъ duchenkę — бѣлую полотняную шапочку.[24]) На ноги не надѣваютъ ни башмаковъ, ни сапогъ, а дѣтей хоронятъ обыкновенно босыми. Положивъ покойника въ гробъ, отправляютъ кого-нибудь изъ семейства къ ксендзу просить „o dzwonne“ (о похоронномъ звонѣ), предъ домомъ ставятъ траурную хоругвь, взятую изъ костела, и сжигаютъ въ полѣ солому, на которой лежалъ покойникъ.

Около гроба ставятъ на столѣ водку и хлѣбъ. Каждый изъ приходящихъ прежде всего преклоняетъ колѣна около гроба и, прочтя молитву, привѣтствуетъ присутствующихъ словами „niech będzie pochwalony Jezus Chrystus“, потомъ по приглашенію хозяевъ выпиваетъ и закусываетъ, выражая соболѣзнованіе въ постигшемъ ихъ горѣ.

На третій день покойника хоронятъ, а затѣмъ его родственники приглашаютъ друзей и знакомыхъ на поминки (pogrzeb, pochówek).

---

[24]) Въ старые времена „духной“ (duchna) назывался ночной колпакъ въ видѣ небольшой шелковой подушки, обшитой полотномъ. Kolberg, Lud, III, 249.

VII.

Куявскія сказки.— Пѣсни.— Танцы.— Пословицы и поговорки.

Въ произведеніяхъ народнаго творчества яснѣе всего проявляется характеръ племени. Разсѣянныя въ мелочахъ повседневной жизни отличительныя черты его какъ бы концентрируются въ сказаніяхъ и легендахъ, сказкахъ и пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ. Въ сказкахъ и легендахъ, первоисточниковъ которыхъ нерѣдко надо искать въ туманной дали первобытной жизни человѣчества, обрисовывается съ достаточной ясностью міросозерцаніе племени, его воззрѣнія на людей и природу, въ пѣсняхъ видно сердце народа, его думы въ радости и горѣ, въ пословицахъ и поговоркахъ проявляется его житейская мудрость, такъ сказать, прикладная народная философія.

Куявамъ посчастливилось въ томъ отношеніи, что благодаря трудамъ Глинскаго, Войцицкаго и Кольберга куявскія сказки, пѣсни, пословицы и легенды закрѣплены въ книгѣ, а не испарились безслѣдно подъ натискомъ городской культуры, замѣняющей простодушную пѣсню модным романсомъ, а народныя сказанія—разсказами о похожденіяхъ разбойниковъ.

Большая часть сказокъ и легендъ, собранныхъ Кольбергомъ и другими изслѣдователями куявскаго быта, должна быть отнесена къ пережиткамъ языческой стари-

ны, довольно явственно проглядывающей, какъ мы видѣли выше, изъ-подъ христіанской обстановки жизни куявскаго крестьянина. Фабула многихъ изъ куявскихъ сказокъ сходна съ фабулой сказокъ русскихъ, но не менѣе любопытно одинаковое отношеніе куявской и русской сказки къ природѣ: какъ въ русской сказкѣ, такъ и въ сказкѣ куявяка всѣ три „царства природы“ живутъ общей жизнью, относятся къ человѣку дружественно или враждебно, иногда подчиняютъ его себѣ, а иногда помогаютъ и подчиняются человѣку. Переходную ступень отъ языческихъ сказокъ, одухотворяющихъ природу, къ христіанскимъ легендамъ составляютъ сказанія полуязыческаго характера, въ которыхъ выражаются воззрѣнія куявяка на этическіе и религіозные вопросы. Въ сказкахъ этого рода идетъ рѣчь и о будущей жизни: о раѣ и объ адѣ, о нравственныхъ основахъ, которымъ долженъ слѣдовать человѣкъ. Рай и адъ куявякъ представляетъ весьма похожими на землю. Въ одной легендѣ крестьянинъ попадаетъ въ адъ въ истопники, подкладываетъ дрова подъ смоляной котелъ, въ которомъ варятся грѣшныя души; въ другой—благочестивый крестьянинъ, попавъ заживо въ рай, находитъ въ немъ, какъ и на землѣ, луга, цвѣты... Въ другихъ сказкахъ рекомендуется презрѣніе къ деньгамъ, доводящимъ человѣка до грѣха, смиреніе и доброта, довольство своей судьбой... Сказка о смерти, которую ухитрился обмануть ея кумъ-крестьянинъ, мало вяжется съ нравоучительными сказками христіанской эпохи и позаимствована, очевидно, изъ германскихъ легендъ.

Бытовыя сказки и побасенки о солдатахъ, ксендзахъ, купцахъ, бродягахъ, разбойникахъ имѣютъ болѣе реальную основу и нерѣдко переходятъ въ сатиру или карикатуру, особенно въ разсказахъ о похожденіяхъ духовныхъ лицъ, евреевъ и нечистой силы, позволяющей себя

обмануть даже бабѣ. Въ бытовыхъ сказкахъ героемъ является нерѣдко одинъ изъ трехъ братьевъ, на видъ глуповатый, но на самомъ дѣлѣ устраивающій свои дѣла гораздо умнѣе, чѣмъ его братья. Куявскій „Иванушка-дурачокъ“ выступаетъ довольно часто не только, впрочемъ, въ бытовыхъ сказкахъ, но и въ легендахъ языческой эпохи.

Въ сказкахъ своихъ куявякъ подмѣтилъ характерныя черты малоученыхъ, но много требовавшихъ ксендзовъ былого времени и подчасъ очень ѣдко обрисовываетъ недостойныхъ служителей алтаря, одинъ изъ которыхъ въ сказкѣ „o gościu księdzu“ [21]) на вопросъ папа, гдѣ лучше, на небѣ или въ аду, отвѣчаетъ: во всякомъ случаѣ лучше въ аду, потому что на небо идутъ такіе оборвыши (łazarstwo) безъ ноги, безъ руки, а въ адъ только господа, богатые такіе, музыканты съ трубами и шарманками; музыка въ аду играетъ, а шляхта ѣстъ, пьетъ, танцуетъ и ухаживаетъ за барышнями... Къ продѣлкамъ и плутнямъ евреевъ куявякъ относится довольно благодушно, подсмѣиваясь надъ страстью ихъ къ наживѣ, низкопоклонствомъ и плохимъ выговоромъ. Надо замѣтить, что, вѣроятно, въ виду сравнительной немногочисленности евреевъ въ Куявахъ въ прежнее время, сказокъ о евреяхъ гораздо меньше, чѣмъ, напр., о „клехахъ“, какъ куявякъ именуетъ ксендзовъ, ведущихъ безпорядочную жизнь.

Пѣсни куявяка, записанныя изслѣдователями куявскаго быта, разнообразны и по содержанію, и по напѣву. Въ полѣ и дома, за работой и на-досугѣ, въ радости и горѣ куявякъ изливаетъ свои чувства въ пѣснѣ, то весело льющейся подобно ручейку, то надрывающей душу заунывной мелодіей. Кромѣ свадебныхъ пѣсенъ существуетъ

---

[21]) Kolberg, Lud. III, 177.

не мало произведеній куявской музы, посвященныхъ довольно разнообразнымъ эротическимъ мотивамъ: отъ вздоховъ по милой куявякъ переходитъ къ ироническимъ пѣсенкамъ о влюбленныхъ парахъ, отъ описанія счастливой супружеской жизни — къ разсказу о приключеніяхъ живущихъ не въ ладу супруговъ [25]). Отношеніе куявяка къ жизни, судя по пѣснямъ, чуждо излишней сантиментальности: онъ не поддается упоенію и отчаянію и старается въ печальную минуту развеселить себя шуткой, иропіей надъ тѣмъ, что его тревожитъ и огорчаетъ.

Не менѣе пѣсни любитъ куявякъ и танцы. Танцы начинаются обыкновенно polskim (chodzonym, wolnym, okrągłym). За польскимъ слѣдуетъ куявякъ, танецъ въ болѣе быстромъ темпѣ (иначе называемый odsibka, ocibka), и куявскій обертасъ или мазурка (ksebka) въ еще болѣе быстромъ темпѣ, чѣмъ куявякъ. Кромѣ этихъ танцевъ въ Куявахъ танцуютъ также lender, walc, szot, skoczek, kowal, польку и пр. Музыку составляютъ скрипка и басъ, а въ старыя времена къ нимъ присоединялись заброшенныя теперь dudy и cymbały. На мотивы танцевъ существуетъ не мало пѣсенъ, которыя обыкновенно поются танцующими.

Въ куявскихъ пословицахъ и поговоркахъ найдется много общаго съ русскими изреченіями мудрости народной. Иногда мысль высказана даже въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ (bez Boga ani do proga, szydła w worku nie ukryjesz), но гораздо чаще, конечно, тожественная мысль лишь наряжена, такъ сказать, въ иное платье. [26])

---

[25]) Lud. IV, 7—59.

[26]) Bogaty, jak groch przy drodze. Bliższa koszula ciała, jak sukmana. Dwa grzyby w barszcz. Dobra Agnieszka, kto z nią nie mieszka. Jakie drzewo, taki klin; jaki ojciec, taki syn. Nie pamięta krowa, kiej cielęciem była. Nie z jednego pieca chleb jadał и т. д.

Изъ поговорокъ любопытны присловья о куявскихъ селахъ и деревняхъ, напоминающія отчасти русскія присловья, которыми сосѣдніе города другъ друга „дразнятъ“. Подъ Радѣевымъ говорятъ: niech mówi kto chce, Dobre (дер. Добре) jest dobre, ale lepsze Płowce. Подъ Пётрковымъ: Swiesz — co zasiejesz, to zjesz. Подъ Ковалемъ; kur pieje w Łopatach (сел. Лопатки и Наконово, расположенныя на границѣ двухъ уѣздовъ),—słychać w dwóch powiatach, и т. д.

VIII.

Куявскіе города. Брестъ. Влоцлавскъ. Нешава.

Древнѣйшими городскими поселеніями въ куявской землѣ являются Брестъ и Влоцлавскъ, время возникновенія которыхъ относится къ первымъ вѣкамъ польской государственности.

Когда былъ основанъ *Брестъ*, въ точности неизвѣстно. Первыя упоминанія объ этомъ городѣ встрѣчаются еще въ лѣтописныхъ сказаніяхъ о Конрадѣ I, князѣ куявскомъ и мазовецкомъ, но нѣтъ сомнѣнія, что основаніе города относится къ еще болѣе отдаленной эпохѣ. При Конрадѣ Брестъ сталъ извѣстенъ, какъ мѣсто переговоровъ этого князя съ великимъ магистромъ Германомъ де-Сальца [27]). Въ присутствіи духовныхъ и свѣтскихъ властей торжественно дарованы были здѣсь въ 1228 г. нѣмецкому ордену Орловъ, Мужиновъ и Нешава, и такимъ образомъ положено было начало долголѣтнимъ бѣдствіямъ.

При раздѣлѣ земель между сыновьями Конрада Брестъ достался Казимиру, сынъ котораго Владиславъ Локотокъ присоединилъ свои куявскія владѣнія къ польской коронѣ. Въ это время, т. е. въ XIII вѣкѣ, Брестъ является уже довольно большимъ городомъ; въ немъ воз-

---

[27]) См. главу I „Куявъ".

никаютъ благотворительныя учрежденія: командорія госпитальныхъ братьевъ, заложенная вроцлавскимъ домомъ св. Матвѣя, и госпиталь за городомъ, одаренный Локоткомъ землями въ сел. Соколовѣ.

Въ началѣ XIV вѣка Брестъ упоминается снова какъ мѣсто переговоровъ съ крестоносцами. Переговоры эти ни къ чему не привели, такъ какъ крестоносцы взамѣнъ Поморья, которое имъ не хотѣлось возвратить, предложили слишкомъ ничтожное вознагражденіе. Локотокъ жаловался на рыцарей папѣ, который назначилъ для разбора дѣла особую комиссію съ Янисламомъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ во главѣ. Крестоносцы не подчинились рѣшенію Янислава и апеллировали въ Римъ. Признавъ апелляцію ихъ незаконной, Яниславъ перенесъ судъ изъ Бреста въ Иноврославъ. Нѣсколько лѣтъ дѣло было въ неопредѣленномъ положеніи. Наконецъ въ 1330 г. крестоносцы вторглись въ Куявы и разграбили городъ, а въ 1332 году вновь появились подъ стѣнами Бреста. Несмотря на зимнее время нѣмцы осадили городъ разсчитывая голодомъ склонить жителей къ сдачѣ. Просидѣвъ подъ Брестомъ три мѣсяца, они надумали взять его приступомъ, и въ великую пятницу, когда большая часть осажденныхъ молилась въ храмахъ, начали штурмъ, продолжавшійся безъ перерыва цѣлыхъ четыре дня. Приступъ былъ отраженъ, но осажденные были такъ обезсилены осадой, что вскорѣ сдались непріятелю. Рыцари, какъ бы разсчитывая остаться навсегда въ Куявахъ, принялись за укрѣпленіе Бреста и, такъ какъ городъ былъ расположенъ не на особенно выгодной позиціи, то перенесли его на новое мѣсто, выстроили замокъ, окружили городъ валами и окопами. Брестъ оставался въ рукахъ нѣмцевъ до 1343 г., когда онъ былъ возвращенъ польской коронѣ по калишскому трактату.

Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ освобожденія отъ нѣмецкихъ рыцарей Брестъ снова увидѣлъ враговъ подъ своими стѣнами. Въ 1383 г. кн. мазовецкій Земовитъ осадилъ замокъ, схватилъ именитѣйшихъ изъ горожанъ и разграбилъ ихъ дома. Затѣмъ въ томъ же году на Брестъ сдѣлалъ нападеніе Сигизмундъ, маркграфъ бранденбургскій, зять Людовика Венгерскаго, избранный послѣднимъ въ наслѣдники польскаго престола. Послѣ кратковременной осады, продолжавшейся лишь нѣсколько недѣль, жители города вступили съ Сигизмундомъ въ переговоры и сдались. Венгры, бывшіе въ войскѣ Сигизмунда, разграбили городъ и окрестности, не пощадивъ даже храмовъ.

Въ XV вѣкѣ Брестъ продолжалъ служить мѣстомъ переговоровъ съ крестоносцами. Въ 1435 и 1463 годахъ здѣсь велись переговоры о мирѣ. Въ первый разъ кромѣ уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ пріѣхали сюда послы великаго князя литовскаго Сигизмунда, мазовецкихъ князей и князя столпенскаго. Долго тянулись споры и несогласія. Многіе изъ участвовавшихъ въ переговорахъ уже потеряли было надежду на достиженіе соглашенія и стали разъѣзжаться по домахъ, когда удалось наконецъ уговорить пословъ ордена и заключить миръ на очень выгодныхъ для Польши условіяхъ. Мирный договоръ при выраженіи общей радости былъ обнародованъ въ Брестскомъ каѳедральномъ костелѣ. Въ 1463 году въ Брестѣ происходилъ новый съѣздъ уполномоченныхъ ордена и короля. На этотъ разъ папскій легатъ Іеронимъ, архіепископъ гнѣзненскій, приглашенный для посредничества въ переговорахъ, испортилъ все дѣло. Іеронимъ отказался снять интердиктъ, наложенный папой на жителей прусскихъ городовъ за стремленіе ихъ отложиться отъ ордена, и внесъ этимъ еще большую рознь въ отношенія противниковъ другъ къ другу.

И въ XIV, и въ XV вѣкахъ Брестъ возрасталъ очень медленно, такъ какъ его росту не мало вредили непріятельскія нашествія. Короли награждали жителей города за „незапятнанную вѣрность и приверженность къ престолу“ землями и привилегіями. Еще въ концѣ XIII вѣка Локотокъ подарилъ Бресту Шильгутково (нынѣ Пикутково) и Гужлинъ, пространствомъ въ 50 уволокъ (въ томъ числѣ 11 уволокъ лѣсу). Привилегіей, данной въ Краковѣ въ 1401 году, Владиславъ Ягелло подарилъ городу старостинскіе луга Оборы. Въ 1552 г. Сигизмундъ Августъ разрѣшилъ построить на р. Згловёнчкѣ мостъ съ правомъ взиманія пошлины въ пользу города и мельницу, а въ 1681 г. Іоаннъ III разрѣшилъ городу выдѣлывать и продавать пиво и утвердилъ правила (ordynacya) пивоварнаго цеха.

Въ 1596 году Сигизмундъ III подтвердилъ старыя права и обычаи, по которымъ управлялись и судились горожане. Апелляціи на распоряженія и постановленія городскихъ властей и судовъ надлежало подавать не брестскому старостѣ, но въ высшій королевскій трибуналъ; староста не имѣлъ права вмѣшиваться въ городское управленіе и судъ и заключать гражданъ въ тюрьму. Высшею властью въ городѣ были магистратъ и городскіе суды.

Изъ переписи 1564 г. видно, что у Бреста не было въ то время никакихъ пахатныхъ земель, а лишь огороды. Ремесленниковъ въ городѣ было 115, а булочницъ съ торговками (pyekarek sprzekupniami)—108. Они платили подати по 12 денаровъ въ годъ съ каждаго лица.

Изъ дальнѣйшей исторіи города извѣстно, что въ шведскія войны онъ оказывалъ нѣкоторое сопротивленіе шведамъ, но былъ разоренъ ими и сожженъ. Въ 1707 году Бресту довелось быть въ послѣдній разъ мѣстомъ пе-

реговоровъ. Карлъ XII принялъ тамъ (въ квартирѣ своего министра графа Пипера) посла Блистательной Порты.

Современное состояніе Бреста, сдѣлавшагося безъуѣзднымъ городомъ Влоцлавскаго уѣзда, далеко отъ процвѣтанія. Число жителей не превышаетъ 2,272 чел., занимающихся преимущественно мелкою торговлею и землепашествомъ. Въ городѣ существуетъ лишь одно промышленное заведеніе: фабрика земледѣльческихъ машинъ съ годичнымъ оборотомъ въ 5,206 рублей, занимающая 15 чел. рабочихъ. Обыкновенные городскіе доходы не превышаютъ 2,145 руб. 74 коп. въ годъ (за 1893 г.). Вообще, будущее не сулитъ Бресту перемѣнъ къ лучшему. Сосѣдство Влоцлавска съ удобными путями сообщенія парализовало торговлю стараго города и обратило его въ большую деревню. Тихо стоитъ теперь Брестъ-Куявскій на берегахъ маленькой Згловёнчки, видѣвшей въ былые годы блестящіе съѣзды пословъ и магнатовъ, королевскія охоты и пиры. Нѣтъ былого блеска и шума, но нѣтъ за то и кровопролитныхъ боевъ съ разорявшими городъ сосѣдями...

Въ 14 верстахъ отъ Бреста, при впаденіи р. Згловёнчки въ Вислу расположенъ младшій братъ старѣйшаго куявскаго города—Влоцлавскъ, основанный, по преданію, въ XII вѣкѣ. На мѣстѣ Влоцлавска на высокомъ берегу Вислы среди хвойныхъ лѣсовъ стояло лишь нѣсколько рыбачьихъ хижинъ, когда Владиславъ II (1139—1148) задумалъ построить тутъ городъ, названный его именемъ (Vladislavia). Преданіе объ основаніи города Владиславомъ II нѣкоторыми историками не признается достовѣрнымъ, такъ какъ Владиславъ II жилъ въ своемъ удѣлѣ въ Краковѣ и, хотя Болеславъ Кривоустый и поручилъ Владиславу опеку надъ младшими братьями, но послѣдній въ Куявахъ не правилъ и во всякомъ случаѣ не

имѣлъ времени строить городъ, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно воевалъ съ братьями, а затѣмъ побѣжденный ими скрылся въ 1146 году въ Силезію. Болѣе правдоподобенъ, по мнѣнію Боруцкаго, разсказъ Мартина Галла, жившаго во времена Болеслава Кривоустаго. По Галлу, Влоцлавскъ основанъ былъ королемъ Владиславомъ Германомъ въ память рожденія его первенца, Болеслава Кривоустаго, который довелъ до конца начатое отцомъ дѣло и по его имени назвалъ городъ[28]). Болеславъ же даровалъ епископамъ и новоустроенной каѳедрѣ большое пространство земли, поросшей лѣсомъ, на которой кромѣ Влоцлавска возникло впослѣдствіи нѣсколько десятковъ крестьянскихъ усадьбъ и мельницъ.

Городъ Владислава претерпѣлъ на своемъ вѣку не меньше Бреста, подвергаясь частымъ опустошеніямъ нападавшихъ на польскія земли сосѣдей — поморянъ, пруссовъ и крестоносцевъ. Нападенія непріятелей тѣмъ болѣе тягостно отзывались на состояніи города, что онъ долгое время не былъ окруженъ стѣнами и представлялъ очень легкую добычу. Первый напалъ на новый городъ чешскій король Янъ, претендентъ на польскую корону во времена Владислава Локотка. Въ 1329 году, Янъ, дѣйствуя за одно съ крестоносцами, сжегъ и разграбилъ городъ, не пощадивъ и деревяннаго каѳедральнаго собора. Нѣкоторое время послѣ нападенія Яна рыцари владѣли Влоцлавскомъ и возвратили его Польшѣ лишь одновременно съ Брестомъ и другими куявскими городками.

Въ 1431 году крестоносцы ограбили замокъ и каѳедральный соборъ и сожгли городъ. Каѳедральный соборъ былъ въ то время уже каменный, построенный изъ полевыхъ валуновъ, и обладалъ цѣнной церковной утварью

[28]) Ziemia Kujawska, 295.

и облаченіями. Въ третій разъ Влоцлавскъ разоренъ былъ до тла Шведами въ 1655 году. Шведы опустошили тогда огнемъ и мечомъ городъ и его окрестности.

Пожары и грабежи, отъ которыхъ терпѣлъ Влоцлавскъ, не мало вредили его росту и процвѣтанію, не смотря на то, что и польскіе короли, и куявскіе епископы, владѣвшіе городомъ, предоставляли горожанамъ разныя права и привилегіи. Сигизмундъ I разрѣшилъ влоцлавскимъ жителямъ, ведшимъ торговлю съ Данцигомъ, безпошлинно высылать всякіе товары по водѣ и сушѣ и учредилъ нѣсколько ярмарокъ (1530 г.). Сигизмундъ Августъ, подтвердивъ эти привилегіи, разрѣшилъ городу, кромѣ того, пользоваться всѣми правами, присвоенными Гнѣзну, и освободилъ горожанъ отъ уплаты мостового и плотиннаго сбора (myta grobelnego i mostowego). Въ 1713 году Августъ II для поддержанія города, разореннаго въ 1655 г. шведами, прибавилъ къ прежнимъ ярмаркамъ еще восемь новыхъ.

Куявскіе епископы, представлявшіе въ случаѣ отсутствія или смерти примаса высшую духовную власть въ королевствѣ и пользовавшіеся въ такомъ случаѣ въ междуцарствіе титуломъ interrex'a съ правомъ созыванія сеймовъ, а равно превозглашенія и коронованія королей, имѣли большое вліяніе на судьбы своего города, одаряли его привилегіями и всячески старались возвысить среди другихъ куявскихъ городовъ. Особенно заботился о Влоцлавскѣ епископъ влоцлавскій и поморскій Станиславъ Карнковскій, въ 1577 г. утвердившій привилегію г. Влоцлавска, значительно разнящуюся отъ обычныхъ привилегій польскихъ городовъ.

Щедро одаряемый привилегіями и правами Влоцлавскъ быстро поправлялся послѣ разореній и пожаровъ, тѣмъ болѣе, что пребываніе въ городѣ епископа съ его

пышнымъ дворомъ не могло не отражаться выгодно на его благосостояніи. Городъ богатѣлъ благодаря постояннымъ съѣздамъ и торжествамъ въ замкѣ епископа, на которыя съѣзжалась вся куявская знать съ чадами и домочадцами. Особенно блестящіе съѣзды бывали въ тѣ времена, когда во Влоцлавскѣ устраивались сеймы въ родѣ бывшаго въ 1577 году, когда Стефанъ Баторій созвалъ шляхту для совѣщанія о войнѣ съ взбунтовавшимся Гданскомъ, не желавшимъ признать Баторія королемъ, или когда собирались на епархіальные синоды епископы. Первый такой синодъ созванъ былъ въ 1568 г., а четвертый и послѣдній въ 1641 году.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ Влоцлавскъ развивался бы и богатѣлъ еще быстрѣе, если бы этому, какъ мы указывали выше, не препятствовали нападенія и грабежи опустошавшихъ Польшу въ старые годы враговъ. Сосѣдство Вислы и центральное положеніе въ хлѣбородной куявской землѣ естественно дѣлали Влоцлавскъ центральнымъ пунктомъ хлѣбной торговли и, какъ только устранены были факторы, тормазившіе развитіе города, онъ сталъ расти и богатѣть, далеко оставивъ за собою сосѣдніе города. Какъ тяжело отражались войны на благосостояніи города, видно изъ того, что въ 1459 году по положенію о воинской повинности Влоцлавскъ обязанъ былъ доставлять на войну только шесть вооруженныхъ пѣхотинцевъ, тогда какъ сосѣдній Брестъ выставлялъ тридцать воиновъ. Теперь положеніе перемѣнилось. Торговля и промышленность Влоцлавска растутъ, число жителей его постепенно увеличивается, а Брестъ, лишенный удобныхъ путей сообщенія, съ каждымъ годомъ падаетъ, не будучи въ состояніи конкуррировать съ близкимъ своимъ сосѣдомъ, расположеннымъ на берегу Вислы и соединеннымъ съ Варшавой

и Берлиномъ рельсовымъ путемъ. Но о современномъ состоянiи Влоцлавска рѣчь будетъ ниже, а теперь вернемся къ старинѣ города Владислава.

Особенностью, рѣзко отличавшею Влоцлавскъ отъ другихъ не-епископскихъ городовъ, было отсутствiе евреевъ въ этомъ городѣ.

Евреи получили разрѣшенiе селиться въ Польшѣ при Болеславѣ кн. калишскомъ и Казимiрѣ Великомъ. Первоначально евреи поселялись преимущественно въ Малой Польшѣ въ королевскихъ городахъ, пользовавшихся нѣмецкимъ правомъ; въ сѣверныхъ же частяхъ Польши ихъ долго не было. Слѣдуя примѣру королей, польская шляхта разрѣшала евреямъ поселяться въ принадлежавшихъ ей имѣнiяхъ и городахъ и строить дома за извѣстную арендную плату. За разрѣшенiе свободной торговли евреи платили въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр., въ Брестѣ-Куявскомъ, Сомпольнѣ, Служевѣ, особую подать, называвшуюся protekcyjne. Сначала евреи поселялись среди горожанъ, а впослѣдствiи имъ отведены были отдѣльные кварталы.

Въ Куявахъ, какъ видно изъ книгъ сборщиковъ и люстрацiй[29]), евреи появились въ началѣ XVI вѣка. Согласно люстрацiи 1570 г. въ Брестѣ-Куявскомъ жилъ одинъ еврей—докторъ. Въ 1800 году въ брестско-куявскомъ воеводствѣ евреевъ было 2565 чел.., а 1878 г.—12201 чел.

Нѣкоторые епископы воспрещали евреямъ селиться въ принадлежащихъ духовенству городахъ и имѣнiяхъ. Къ числу такихъ мѣстностей принадлежалъ и Влоцлавскъ, въ которомъ не было евреевъ до присоединенiя Куявъ къ прусскому королевству. Прусское правительство, удостовѣрившись въ томъ, что городъ не имѣетъ особой привилегiи, недозволяющей евреямъ пребывать въ немъ, раз-

[29]) Borucki, Ziemia Kujawska, 235.

рѣшило на первый разъ поселиться тамъ четыремъ еврейскимъ семействамъ.

Другой характеристичной особенностью стараго Влоцлавска было стрѣлецкое братство, въ которомъ участвовали кромѣ влоцлавскихъ жителей многіе купцы и промышленники изъ сосѣднихъ городовъ. Епископъ Станиславъ Карнковскій утвердилъ уставъ и возобновилъ это оригинальное братство, разъ въ годъ устраивавшее торжество стрѣльбы въ деревяннаго пѣтуха. Первый, попавшій въ этого пѣтуха, провозглашался съ большими церемоніями стрѣлецкимъ королемъ и на годъ освобождался отъ всѣхъ городскихъ повинностей, а также получалъ право брать для своихъ надобностей дерево изъ епископскихъ лѣсовъ. Торжество стрѣльбы въ пѣтуха совершалось обыкновенно въ праздникъ Св. Троицы (Zielone Świątki) и продолжалось три дня.

Послѣ пожаровъ и грабежей, постигавшихъ неоднократно городъ Владислава, въ немъ сохранилось немного старинныхъ памятниковъ. Среди нихъ главное мѣсто занимаетъ каѳедральный католическій соборъ, построенный въ XIV вѣкѣ въ готическомъ стилѣ на высокомъ берегу Вислы. Около храма построена часовня Пресв. Дѣвы Маріи, замѣчательная по нарисованнымъ на внѣшней сторонѣ ея извѣстнымъ астрономомъ Николаемъ Коперникомъ солнечнымъ часамъ съ изображеніемъ знаковъ зодіака и съ латинскою надписью, принадлежащею, по преданію, тому же Копернику. Надпись эта гласитъ:

Hic Tibi cum signis spectatur nodus et umbra
Quae tria quid doceant commemorare libet;
Umbra notat dextra, quota cursitet hora diei,
Hincque monet, vitam sic properare tuam.
Ast in quo signo magni lux publica mundi
Versetur, mira nodulus arte docet.

Si vis scire dies, quot quilibet occupat horas,
In medios media sede locatos habes [30]).

Изъ другихъ храмовъ Влоцлавска замѣчательны по своей древности костелъ Св. Виталиса, построенный одновременно съ каѳедральнымъ, приходскій костелъ Св. Іоанна и бывшій костелъ монаховъ реформатскаго ордена, выстроенный въ 1625 г. (теперь лютеранская кирха). Дворъ послѣдняго храма обведенъ стѣною съ катакомбами со множествомъ гробницъ.

Съ давнихъ поръ Влоцлавскъ извѣстенъ былъ своею торговлею съ Гданскомъ и другими городами. И теперь торговля, преимущественно хлѣбомъ, занимаетъ среди занятій горожанъ видное мѣсто. По шоссейнымъ путямъ, которыми Влоцлавскъ соединенъ съ сосѣдними городами, хлѣбъ подвозится сюда для нагрузки на суда или въ вагоны варшавско-бромбергской дороги, открытой для движенія въ 1862 году. Промышленность во Влоцлавскѣ съ каждымъ годомъ развивается. Теперь тамъ существуютъ двѣ фабрики цикорія съ годовымъ оборотомъ въ 200 тыс. рублей, двѣ фаянсовыхъ фабрики (оборотъ 150 тыс. руб. въ годъ), стекляный заводъ (съ годовымъ оборотомъ въ 56 т. руб.), три фабрики земледѣльческихъ орудій (год. обор. 85 тыс. руб.), лѣсопильный заводъ (год. обор. 20 т. руб.), двѣ фабрики кровельнаго толя (год. обор. 20 т. руб.), фабрика физико-математическихъ и метеорологическихъ инструментовъ (год. обор. 20 т. р.),

---

[30]) Здѣсь тебѣ видны въ знакахъ орбита и тѣнь; напомню о томъ, чему учатъ онѣ: правая тѣнь указуетъ, который часъ дня пробѣгаетъ, и поучаетъ, что такъ жизнь истекаетъ твоя. А въ какомъ знакѣ вращается общее великаго міра свѣтило, дивно поучаетъ малая орбита. Если хочешь узнать, сколько какой день часовъ занимаетъ, то они показаны въ самой срединѣ.

ректификаціонный и пивоваренный заводы (год. оборотъ 190 т. р.) и другіе.

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ благосостоянія Влоцлавска возрастаетъ и число жителей. Въ 1820 году въ немъ было 3,278 жителей, въ 1860 г. 7,053, въ 1875 г. 12,644, въ 1893 г. 22,776 чел. Городскіе доходы простирались въ томъ же году до 28,215 рублей.

Вообще Влоцлавскъ находится нынѣ въ періодѣ возрастанія, не столь правда быстраго, какъ ростъ промышленныхъ городовъ въ родѣ Лодзи. Причины, тормозившія естественный ростъ города, устранены, опустошенія, которымъ подвергался Влоцлавскъ въ старые годы, отошли въ область преданій. Мирная трудовая жизнь, смѣнившая безпокойное прошлое, сулитъ городу полное процвѣтаніе въ будущемъ.

Нешава, уѣздъ которой составляютъ по большей части земли, принадлежавшія нѣкогда къ куявскому воеводству, причислена была къ этому послѣднему лишь въ 1717 году, а до этого времени входила въ составъ добжинской земли, тѣсно связанной своими судьбами съ куявскимъ краемъ. Добжинская земля, какъ мы уже упоминали выше, отдана была Конрадомъ Мазовецкимъ въ ленъ нѣмецкимъ рыцарямъ, которые въ благодарность за оказанное имъ гостепріимство причинили столько зла страдавшей отъ внутреннихъ раздоровъ Польшѣ.

Вмѣстѣ съ Добжинемъ перешла во владѣніе крестоносцевъ и Нешава, находившаяся въ то время неподалеку отъ Дыбова напротивъ Торуня. Дыбовъ или Дембовъ была маленькая крѣпостца, построенная Конрадомъ среди дубоваго лѣса для крестоносцевъ, которые впослѣдствіи переименовали ее въ Фогельзангъ. Рядомъ съ этой крѣпостцей расположена была Нешава (Nyeschowa), прозван-

ная нѣмцами Nessau. Во время войнъ съ крестоносцами польскіе короли завладѣли было Нешавой, но въ 1343 г. по калишскому договору городъ этотъ вмѣстѣ съ другими куявскими землями переданъ былъ во владѣніе крестоносцевъ. Лишь въ 1422 г. Ягелло возвратилъ Нешаву Польшѣ и разобралъ нешавскій замокъ (Nessau). Въ 1431 году крестоносцы произвели нападеніе на Нешаву, которая „въ тѣ времена равнялась по своему значенію Торуню, такъ она была многолюдна". Начавшаяся въ 1454 г. многолѣтняя война съ крестоносцами окончилась для Нешавы совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Въ самомъ началѣ войны нешавскіе жители воспользовались случаемъ для того, чтобы выхлопотать себѣ отъ сейма такъ называемый нешавскій статутъ, ограничившій власть короля и сената по отношенію къ городу. За то по окончаніи войны, въ которой немалую помощь принесли коронѣ жители Торуня, король Казимиръ исполнилъ просьбу послѣднихъ о перенесеніи Нешавы на другое мѣсто, такъ какъ, находясь вблизи Торуня, Нешава мѣшала развитію его торговли. Въ 1460 году король повелѣлъ перенести городъ на то мѣсто, гдѣ онъ находится и понынѣ, а на старомъ пепелищѣ разрѣшилъ оставить лишь 11 усадьбъ. Къ осени 1462 года въ старой Нешавѣ осталась лишь одна улица, но несмотря на это оставшіеся въ разоренномъ городѣ жители, пользуясь выгоднымъ его мѣстоположеніемъ, скоро разбогатѣли, а самъ городъ, переименованный въ селеніе Подгуже (Podgórze), разросся такъ, что въ 1555 году торунцы выхлопотали у короля Сигизмунда Августа привилегію слѣдующаго содержанія: „стало намъ вѣдомо, что жители Старой Нешавы или Дыбова, который нынѣ Подгужемъ именуется, вопреки запрещеніямъ предшественниковъ нашихъ начали заниматься всякаго рода торговлей и пользоваться городскими правами, что при-

носитъ великій ущербъ Торуню; посему воспрещаемъ всякую торговлю и совершеніе торга, сплавъ хлѣба по Вислѣ, постройку хлѣбныхъ складовъ не только въ Дыбовѣ, но даже на протяженіи четырехъ миль выше и ниже замка. Въ случаѣ, если бы кто построилъ хлѣбные склады съ цѣлью сплавлять хлѣбъ по Вислѣ, то староста дыбовскій обязанъ таковые снести, а нарушителей сего оштрафовать". Кромѣ того, король запретилъ подгужанамъ продавать вино и гданское пиво, заниматься какими-либо ремеслами, имѣть цехи, вообще пользоваться городскимъ правомъ. „Даже если бы они и владѣли какими-либо привилегіями, то таковые отклоняемъ", повелѣвалъ король, запрещая въ тоже время плывущимъ по Вислѣ судамъ даже приставать къ Подгужу или Дыбову [31])

Строгіе запреты въ родѣ вышеуказанныхъ не позволили Подгужу подняться опять до той степени процвѣтанія, какой достигла было старая Нешава. Хотя нѣкоторые короли и смягчали нѣсколько суровый приговоръ Сигизмунда Августа, но все же препятствія, поставленныя развитію Подгужа, были столь велики, что оно такъ и осталось незначительной деревушкой, несмотря на выгодное мѣстоположеніе.

Не легче, чѣмъ Подгужу, жилось на первыхъ порахъ и Новой Нешавѣ благодаря происканъ тѣхъ же завистливыхъ торунянъ. Въ 1460 году жители старой Нешавы переведены были Казимиромъ IV въ селеніе Роскидальмо или Роскидально, образовавшее вмѣстѣ съ селеніями Пшипустъ и Дымицы новую Нешаву. На первыхъ порахъ своего существованія новый городъ получилъ довольно значительныя привилегіи. Новой Нешавѣ даровано было холмское право, установленъ въ ней ежене-

[31]) Staroż. Polska, I, 375.

дѣльный базаръ и двѣ ярмарки, горожане были освобождены на вѣчныя времена отъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей и отъ поставки подводъ, разрѣшено было заниматься торговлей, ремеслами, ловлей рыбы, пользоваться дровами и пастбищами въ бобровницкихъ королевскихъ лѣсахъ и управляться на одинаковыхъ правахъ съ Торунемъ. Но не прошло и пятнадцати лѣтъ, какъ торуняне выхлопотали себѣ у Казимира (въ 1474 г.) повелѣніе, надолго затормозившее развитіе новаго города, въ которомъ Торунь увидѣлъ себѣ серьезнаго конкурента: „хотя новая Нешава, гласило королевское постановленіе, пользовалась правомъ безпрепятственно отправлять нагруженныя хлѣбомъ суда въ Пруссію и въ другія мѣста, принимая однако во вниманіе, что такое вольное судоходство наносило Торуню большій ущербъ, чѣмъ какой причинялъ ему городъ до перенесенія на новое мѣсто, мы ограничили таковое судоходство числомъ 14 судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, изъ которыхъ 7 разрѣшалось высылать въ Пруссію весной, а 7 осенью либо зимой. Но поелику и это разрѣшеніе учиняетъ еще немалой убытокъ Торуню, то мы, посему уничтожая его, постановляемъ: жители Новой Нешавы, желающіе заниматься хлѣбной торговлей, не должны проѣзжать мимо Торуня, какъ они дѣлали раньше, но отъ сего времени обязаны останавливаться съ судами подъ городомъ и тамъ же продавать хлѣбъ. Въ противномъ случаѣ разрѣшается торунскому магистрату задерживать непослушныхъ, а конфискованный хлѣбъ и вещи обращать въ пользу города“ [32]). Несмотря на ограниченіе дарованныхъ новому городу правъ, онъ продолжалъ, хотя и медленно,

---

[32]) Тамъ же, 399.

рости и богатѣть, такъ что къ XVII вѣку Нешава сдѣлалась довольно зажиточнымъ городомъ.

Изъ позднѣйшихъ событій, занесенныхъ въ хронику новаго города, должно отмѣтить запрещеніе евреямъ селиться въ городѣ или его предмѣстьяхъ, сдѣланное Сигизмундомъ Августомъ въ 1559 г. Мотивомъ этого распоряженія выставлено было то обстоятельство, что евреи „склонны покупать краденыя вещи, что злые люди, пряча у нихъ краденое, легко скрываются по рѣкѣ и что по неосторожности евреевъ возникаютъ частые пожары". Въ концѣ XVI вѣка Нешава имѣла, по описанію поэта Клеповича [33]), слѣдующій видъ:

Wnet zatym uyźrzysz Nieszawę czerwoną,
Spichlerzów długim rzędem obsadzoną.
Świecą się w lewo skorupian dachy
I insze gmachy.
Obfite żniwa i gumna Kujawskie
Tam się ściągają w szpichlerze Nieszawskie,
Tam swe nadzieje ładuje ziemianin,
Tam i mieszczanin [34]).

Постоянныя внутреннія нестроенія и войны также пагубно отразились на благосостояніи Нешавы, какъ и на другихъ куявскихъ городахъ. Въ промежутокъ между войнами съ крестоносцами и шведской войной новая Нешава благодаря сравнительному затишью въ области политики успѣла разростись въ городъ, состоявшій болѣе чѣмъ изъ трехсотъ домовъ (люстрація 1569 года). Прошло два съ половиной столѣтія и городъ вмѣсто трехсотъ до-

[33]) „Flis" поэта Клеповича.

[34]) А затѣмъ увидишь красную Нешаву, окруженную длиннымъ рядомъ складовъ. Слѣва блестятъ черепичныя кровли и другія зданія. Обильныя жатвы и запасы куявскіе собираются въ нешавскіе склады, на нихъ возлагаютъ свои надежды и земледѣлецъ, и горожанинъ.

мовъ насчитывалъ ихъ всего лишь 123, въ томъ числѣ только три каменныхъ (1800 годъ). Съ умиротвореніемъ края задержанный неурядицами ростъ Нешавы возобновился: къ 1883 году въ ней было уже 155 домовъ. Конечно, трудно въ десятки лѣтъ наверстать то, что потеряно было въ теченіи столѣтій. Измѣнились обстоятельства, сулившія нѣкогда Нешавѣ процвѣтаніе; именно, значеніе р. Вислы, какъ торговой артеріи, подорвано желѣзной дорогой, по которой грузы проходятъ теперь мимо Нешавы, возросло значеніе Влоцлавска, какъ торгово-промышленнаго центра, но за то нынѣ Нешава пользуется цѣннымъ даромъ, которымъ такъ скупо надѣляла ее судьба въ протекшіе вѣка. Прошла пора домашнихъ войнъ и неурядицъ, настало время мирнаго спокойнаго труда. Обиженная богатыми сосѣдями—торунцами, успѣвшими даже выжить конкуррентку съ насиженнаго мѣста, страдавшая отъ внутреннихъ раздоровъ, почти не прекращавшихся въ польскомъ государствѣ, стѣсненная привилегіями, данными сосѣднимъ городамъ, Нешава постепенно оправлялась въ текущемъ столѣтіи отъ созданныхъ людьми препятствій и, пользуясь привилегіями, дарованными ей природой, направила теченіе своей жизни по старому руслу, загроможденному было завистью сосѣдей и несправедливостью польскихъ владыкъ. Показателемъ роста Нешавы можетъ отчасти служить цифра ея населенія. Въ 1816 году оно простиралось до 1360 человѣкъ, въ 1883 г. — 2550 челов., въ 1893 г. до 4284 человѣкъ.

IX.

Прошлое куявскихъ посадовъ и селъ. Радѣевъ, Коваль, Шведечъ, Ходечъ, Любранецъ. Иловцы, Ратёнжекъ, Цѣхоцинокъ.

Многіе изъ куявскихъ посадовъ и селъ, входящихъ нынѣ въ составъ варшавской губерніи, были нѣкогда городами и являлись ареной важныхъ въ исторіи Польши событій. Поэтому при обзорѣ прошлой жизни куявской земли представляется далеко не лишнимъ прослѣдить судьбы этихъ крошечныхъ поселеній, тѣмъ болѣе, что мелочи ихъ исторіи иной разъ весьма ярко иллюстрируютъ старые порядки польскаго государства.

Однимъ изъ древнѣйшихъ посадовъ въ Куявахъ, входящихъ въ составъ варшавской губерніи, слѣдуетъ признать Радѣевъ, уже въ 1252 г. обращенный привилегіей Казимира кн. куявскаго и ленчицкаго въ городъ изъ селенія, принадлежавшаго плоцкому капитулу. Въ 1298 году городъ Радѣевъ (Radzyeyow) получилъ отъ Владислава Локотка нѣмецкое право, причемъ королемъ было обусловлено, чтобы апелляціи на постановленія магистрата направлялись въ Иновроцлавъ. Тотъ же Владиславъ разрѣшилъ Радѣеву поставить вѣтряную мельницу и пользоваться сосѣдними пастбищами и болотами съ тѣмъ, чтобы въ казну уплачивалось ежегодно по 6 денаровъ изъ доходовъ съ мельницы и столько же съ луговъ и болотъ въ случаѣ ихъ распашки. Хотя Радѣевъ и обладалъ,

какъ и подобало городу, замкомъ и былъ обведенъ стѣнами, но укрѣпленія не спасли городокъ отъ полнаго разоренія во время войнъ съ крестоносцами.

Первоначально городъ Радѣевъ принадлежалъ, какъ упомянуто выше, плоцкому капитулу, но впослѣдствіи (въ какое время, въ точности неизвѣстно) онъ перешелъ въ собственность польскихъ королей и получилъ градского старосту. Въ 1422 г. во время пребыванія въ Радѣевѣ Ягеллы, ему былъ представленъ восьмилѣтній сынъ Фридриха, маркграфа бранденбургскаго. Король обручилъ здѣсь юнаго принца съ дочерью своею Ядвигой и назначилъ ему въ воспитатели Илію, декана сандомирскаго, и Петра холмскаго. По договору, заключенному въ Радѣевѣ, Ягелло обязывался въ случаѣ отсутствія мужского потомства сдѣлать маленькаго принца наслѣдникомъ польской короны. Такимъ образомъ, принцъ соединилъ бы подъ своей властью бранденбургское маркграфство и польское королевство на подобіе того, какъ Ягелло соединилъ съ Польшей Литву...

Сигизмундъ I, по просьбѣ магистрата и горожанъ, указывавшихъ на то, что евреи благодаря своимъ нравственнымъ особенностямъ и сплоченности наносятъ большой ущербъ городскимъ ремесленникамъ и купцамъ, воспретилъ въ 1546 г. вновь прибывающимъ евреямъ селиться въ Радѣевѣ и покупать тамъ дома. У христіанина, продавшаго домъ еврею, деньги конфисковывались въ пользу города.

XVI вѣкъ былъ вообще временемъ процвѣтанія Радѣева. По люстраціи 1560 г. въ городѣ находилось значительное число (до 100 чел.) разнаго рода ремесленниковъ: сапожниковъ, ткачей, кузнецовъ, портныхъ, оружейниковъ и т. д. Теперь же въ Радѣевѣ всего лишь нѣсколько

сапожниковъ и портныхъ, да десятка два — три мелкихъ торговцевъ.

Во время реформаторскаго движенія Радѣевъ сталъ однимъ изъ центровъ протестантизма. Тамъ устроены были кальвинистскій домъ молитвы и школы чешскихъ братьевъ. Католическому духовенству пришлось считаться съ просвѣтительными стремленіями реформаторовъ и завести въ Радѣевѣ свои школы. Изъ нихъ впослѣдствіи особенно была извѣстна школа піаровъ.

Въ шведскую войну 1657 г. городъ, состоявшій изъ 150 домовъ, былъ сожженъ до тла вмѣстѣ съ францискан-скимъ монастыремъ. Послѣ разоренія трудно было оправиться радѣевскимъ обывателямъ, лишившимся всего своего имущества. Короли пробовали помочь городу учрежденіемъ ярмарокъ (въ 1768 году установлено 6 ярмарочныхъ дней), установленіемъ новыхъ цеховъ (напр. пивоварскаго въ 1769 г.), но помочь обнищавшему городу этими полумѣрами было трудно.

Въ 1867 году Радѣевъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ, но не надолго. Въ 1870 г. уѣздныя присутственныя мѣста были перенесены въ Нешаву, а Радѣевъ обращенъ въ посадъ.

Изъ городовъ бывшаго брестско-куявскаго воеводства кромѣ Радѣева обращены нынѣ въ посады также прежніе города Коваль, Пшедечъ, Ходечъ и Любранецъ, управлявшіеся въ старые годы по дарованнымъ въ разное время польскими королями привилегіямъ. Ходечъ получилъ такъ называемое холмское право въ 1442 году, Коваль — въ 1519 г., Пшедечъ сдѣланъ былъ городомъ около 1360 г., а Любранецъ въ 1509 г.

Коваль, обращенный недавно въ посадъ влоцлавскаго уѣзда, замѣчателенъ какъ мѣсто рожденія Казимира Великаго, появившагося здѣсь на свѣтъ въ 1310 году.

Въ болѣе позднее время, въ 1420 г., въ Ковалѣ посолъ отъ бароновъ и пановъ чешскихъ поднесъ Ягеллѣ грамоту, приглашающую польскаго короля на чешскій тронъ.

Городъ неоднократно страдалъ отъ нападеній крестоносцевъ и другихъ непріятелей Польши, но несмотря на это въ 1616 году состоялъ изъ 240 домовъ, владѣльцы которыхъ платили чинша по 5 корцевъ овса съ каждаго дома. Въ Ковалѣ находился въ то время градской староста и каштелянъ, имѣвшій право засѣдать въ сенатѣ.

Пшедечъ (посадъ влоцлавскаго уѣзда) принадлежалъ первоначально гнѣзненскому капитулу, отъ котораго былъ пріобрѣтенъ около 1360 г. Казимиромъ Великимъ. Исторія города можетъ быть составлена лишь изъ постоянныхъ упоминаній о малой зажиточности его жителей, помочь которымъ неоднократно пытались короли установленіемъ ярмарокъ и дарованіемъ привилегій, правда, весьма незначительныхъ. Въ пшедечскомъ замкѣ жилъ староста cum jurisdictione castrensi.

Ходечъ (посадъ Влоцлавскаго уѣзда) сталъ городомъ по привилегіи Владислава „короля Венгріи, Польши, Далмаціи, Сервіи, Склавоніи и пр.“, который разрѣшилъ въ 1422 году подстолію добжинской земли, брестскому старостѣ Яну Кретковскому обратить село Chothecz въ городъ, даровалъ ему холмское право, установилъ двѣ ярмарки и базарные дни.

Любранецъ на р. Згловёнчкѣ получилъ въ 1509 г. отъ Сигизмунда I нѣмецкое право съ изъятіемъ горожанъ изъ-подъ юрисдикціи воеводы, каштелянов и старостъ. Горожане могли судиться у своего войта, который подчинялся владѣльцу Любранца, епископу познанскому Яну де-Любранчъ, выхлопотавшему для своего помѣстья столь значительныя права. Въ то время въ Любранцѣ учреждены были три ярмарки и еженедѣльный базаръ, а посе-

ляющимся въ новомъ городѣ дарована на 14 лѣтъ свобода отъ всякихъ пошлинъ и податей. Дальнѣйшая исторія Любранца отмѣчена лишь подтвержденіемъ привилегій и учрежденіемъ новыхъ ярмарокъ. Городъ отъ Любранча перешелъ въ XVI в. во владѣніе Любранскихъ, а затѣмъ Домбскихъ, писавшихся графами на Любранцѣ.

Изъ селеній бывшаго брестско-куявскаго воеводства замѣчательны въ историческомъ отношеніи Пловцы (гмины Осентины, Нешавскаго уѣзда), подъ которыми Владиславомъ Локоткомъ разбиты были войска крестоносцевъ (1331 г.).

Въ составъ нынѣшней варшавской губерніи кромѣ земель брестско-куявскаго воеводства вошла также часть воеводства иновроплавскаго, составившая сѣверо-западный, пограничный съ Пруссіей уголъ нешавскаго уѣзда.

Однимъ изъ старѣйшихъ поселеній этой мѣстности является посадъ Ратёнжекъ (Raciążek), время основанія котораго, по всему вѣроятію, относится къ началу польской государственности. Болеславъ Кривоустый подарилъ Ратёнжекъ или Ратёнжъ (Raciąż) куявскимъ епископамъ. Въ тѣ времена Ратёнжъ былъ укрѣпленнымъ пунктомъ, въ которомъ успѣшно отсиживались окрестные жители во время набѣговъ сосѣдей. Когда въ началѣ XIV вѣки вспыхнула война съ крестоносцами, нѣмецкіе рыцари долго не могли взять Ратёнжскій замокъ и потеряли много людей, пока не догадались отвести воду. Жажда заставила защитниковъ замка сдаться, и тогда крестоносцы стали вымещать на безоружныхъ свои неудачи. Большая часть замковаго гарнизона была перебита, и лишь немногимъ счастливцамъ нѣмцы даровали жизнь. Крестоносцы сожгли замокъ и были очень недовольны, когда епископъ Матвѣй Голончевскій задумалъ возобновить его обгорѣвшія стѣны. Несмотря на угрозы нѣмцевъ, Голончевскій довелъ до

конца задуманное имъ дѣло, а послѣдующіе куявскіе епископы постарались еще больше укрѣпить Ратёнжъ. Въ 1375 году Ратёнжу привелось выдержать нападеніе кн. гнѣвковскаго Владислава Бѣлаго, но укрѣпленія, возведенныя предусмотрительными епископами, спасли замокъ.

Начало XV вѣка было для Ратёнжа временемъ съѣздовъ. Въ 1404 году здѣсь велись переговоры Ягеллы и литовскаго великаго князя Витовта съ великимъ магистромъ Конрадомъ фонъ-Юнгингенъ. Король обязался уплатить магистру 40 тыс. злотыхъ за Добжинскую землю и Злоторыю; нѣмцы отдавали все, что захватили въ Литвѣ, и оставили за собой жмудскій край, предоставивъ королю права на Новгородъ Великій. Далѣе магистръ обязывался не принимать изгнанниковъ и бѣглецовъ изъ владѣній Ягеллы, въ особенности родственниковъ короля, и не пропускать чрезъ орденскіе земли непріятеля въ Литву. Договаривающіяся стороны обусловили кромѣ того свободу торговли въ обоихъ государствахъ. По подписаніи договора магистръ пригласилъ короля со всѣмъ дворомъ въ Торунь и отпраздновалъ тамъ роскошными торжествами заключеніе мира. Въ 1410 году Ягелло снова прибылъ въ Ратёнжъ для переговоровъ съ магистромъ Генрихомъ фонъ-Плауэнъ. На этотъ разъ король не могъ сговориться съ магистромъ ордена относительно условій новаго мирнаго договора. Лишь послѣ отъѣзда Ягеллы и Плауэна уполномоченные обѣихъ сторонъ заключили на мѣсяцъ перемиріе.

Благодаря заботливости куявскихъ епископовъ Ратёнжекъ принадлежалъ къ числу довольно зажиточныхъ городовъ, такъ какъ епископы отдѣлили горожанамъ значительное пространство пахатной земли и лѣса.

Неподалеку отъ Ратёнжка лежитъ сел. Цѣхоцинокъ, извѣстное своими цѣлебными водами. Не касаясь совре-

менная состоянія этого не разъ уже описаннаго курорта [35]), приведемъ лишь маленькую справку о его прошломъ.

Названіе Цѣхоцинокъ нѣкоторые изслѣдователи объясняютъ тѣмъ, что крестоносцы потихоньку (cichaczem) захватили эту мѣстность (cichy odcinek). Но, по справедливому замѣчанію Боруцкаго, чтобы доказать правильность этой странной этимологіи, слѣдовало бы сначала изслѣдовать, откуда произошло названіе епископскаго имѣнія Цѣхоцинъ надъ Дрвенцой, который несомнѣнно старше Цѣхоцинка. Хотя окрестности нынѣшняго курорта и были извѣстны въ старое время, какъ мѣсто постояннаго добыванія соли, но Цѣхоцинокъ съ его цѣлебными источниками не останавливалъ тогда на себѣ ничьего вниманія. О солеварняхъ въ сосѣднемъ съ Цѣхоцинкомъ Слонскѣ упоминается въ хроникахъ подъ 1235 годомъ, Цѣхоцинокъ же въ видѣ фольварка возникъ лишь въ концѣ XVI вѣка, а лѣчиться цѣхоцинскими водами стали только съ 1829 года.

---

[35]) Между прочимъ въ книгѣ „Цѣхоцинскіе минеральные источники", Варшава 1893, въ „Памятной книжкѣ Варшавской губ." 1894 года и проч.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Общій очеркъ исторіи куявской земли до половины XIV вѣка. Куявское княжество. Болеславъ Кудрявый, Конрадъ и нѣмецкіе крестоносцы. Казимиръ „грабитель". Король Владиславъ Локотокъ. Войны съ нѣмцами. Сраженіе при Пловцахъ. Владиславъ Ягелло. Танненбергъ. Казимиръ и нѣмцы. Каноникъ Чехель. Пораженіе крестоносцевъ. Торунскій трактатъ 1466 года 3

II. Реформація въ Куявахъ. Лещинскій. Дѣятельность реформаторовъ. Іезуиты. Диспуты. Конецъ реформаціоннаго движенія 12

III. Границы куявской земли, раздѣленіе на воеводства, повѣты и земли. Сеймики. Каштеляны. Староства. Королевщины. Земли духовенства. Куявская земля подъ властью Пруссіи. Бромбергскій департаментъ. Брестско-куявскій округъ. Раздѣленіе на уѣзды 16

IV. Куявы полевые и лѣсные. Боровяки. Типъ куявяка. Одежда. Жилище куявскаго крестьянина. Халупа. Дворъ. Огородъ. Утварь и орудія. Пища 27

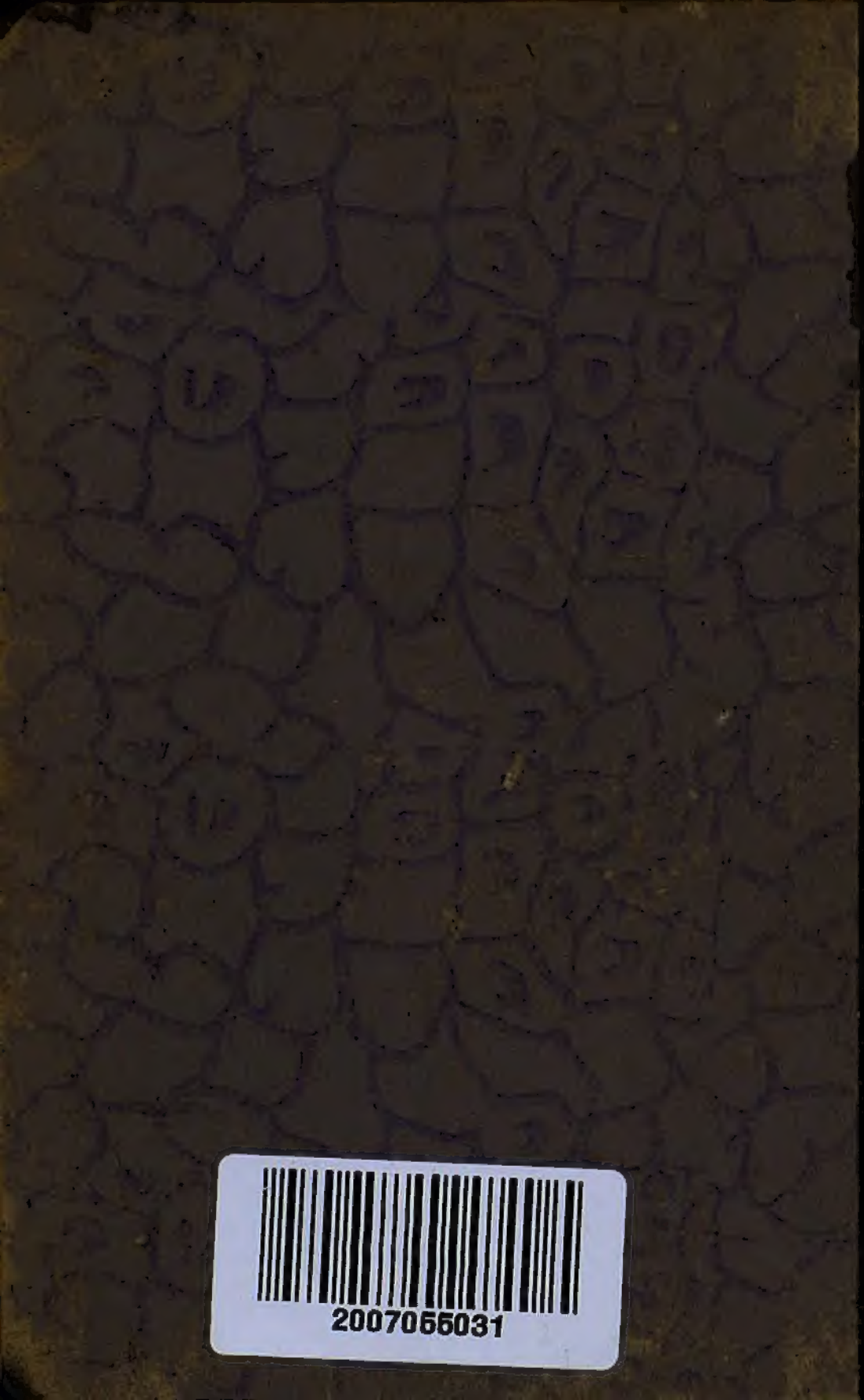
V. Пережитки язычества. Подземки, кроснальки. Вѣдьмы и ихъ ковни. Порча. Лѣченіе болѣзней. Средства противъ лихорадки. Примѣты. Праздники. Полевые праздники: pękowe и wieńcowe. Фрицъ или волкъ. Пастушій король 37

VI. Свадебные обряды. Сватанье (zainy). Сговоръ (zdawiny, zrękociny, pierścionki). Дѣвишникъ (rozpleciny). Свадьба. Родины (popieliny). Крестины. Похороны 49

VII. Куявскія сказки. Пѣсни. Танцы. Пословицы и поговорки 56

VIII. Куявскіе города. Брестъ. Влоцлавскъ. Пешава . . . 61

IX. Прошлое куявскихъ посадовъ и селъ. Радѣевъ, Коваль, Пшедечъ, Ходечъ, Любранецъ, Пловцы, Ратёнжекъ, Цѣходзинокъ 78


2007055031